

Людмила Табакова

Житейские измерения

О жизни без вранья

Людмила Табакова

**Житейские измерения.
О жизни без вранья**

«Издательские решения»

Табакова Л.

Житейские измерения. О жизни без вранья / Л. Табакова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856413-0

Вы когда-нибудь слушали дождь, стучащий по земле? Любовались полётом бабочки? Смотрели на солнце в исчезающей ночи? Вы торопитесь и пропускаете половину прелестей жизни на Земле. Попробуйте жить медленно и услышите музыку ветра, шелест листьев, а в книге рассказов «Житейские измерения» Людмилы Табаковой — музыку слов, из которых с удивительной простотой возникает художественно выточенная правда.

ISBN 978-5-44-856413-0

© Табакова Л.
© Издательские решения

Содержание

Прийти, чтобы остаться	6
Одуванчиковый омут	10
Боже! Верни мне Марию!	15
Не дайте женщине заплакать	17
Ловушка для совести	20
Творец	24
Перевод с мужского	26
Обманутые далью	29
Сиреневый блюз	32
Звонок от Бога	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Житейские измерения О жизни без вранья

Людмила Табакова

© Людмила Табакова, 2017

ISBN 978-5-4485-6413-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Моя родина – Смоленщина. Здесь окончила Угранскую среднюю школу, филологический факультет университета, затем работала в школах Красноярского края. В пенсионном возрасте написала роман «Не надо про Париж», сборники рассказов «Лекарство от русской тоски», «Обычная ненормальность», «Разговор с совестью». По мотивам произведений театры ставят спектакли, рассказы печатают зарубежные и российские периодические издания. Мне интересна обыденность мира, сотканная из мгновений, нравственное состояние общества. Люблю музыку слов, своих героев, отстаивающих высоконравственные позиции. Как успех, расцениваю вручение в Москве Дипломов финалиста премии «Народный писатель» в 2015 и 2016 году.

Табакова Людмила Ивановна

Прийти, чтобы остаться

Беспощадные холода вслед за буйными метелями придавили к земле маленький островок жизни, затерявшийся среди вековых деревьев. В холодном лесном неуюте спрятались в сугробах три покосившиеся избёнки. Одна из них – контора лесхоза, другая – жильё директора, третья – обитель конюха Панкрата и бухгалтера Фёдора Осиповича, которые, видимо, поселились вместе, чтобы собрать воедино грехи и заодно избавиться от одиночества.

Время послевоенное, лихое и голодное, для всех одинаково трудное. Изба директора Ивана Ивановича Санькова ничем не лучше других. Такие же углы в белом инее, скрипучий некрашенный пол, заледеневшие окна, иногда плачущие мутными слезами, оживая от дополнительного тепла печки «буржуйки». Вода и хлеб привозные, дрова вольные, на столе – еда нехитрая. Чаще всего это суп, сваренный в больших консервных банках из-под американской тушёнки.

Всё, как у всех. Столы, топчаны, табуретки, комод для белья, шкаф для посуды. Разве что помимо прочего – патефон с единственной грампластинкой «Сказки Пушкина» да телефон на стене. Покрутишь ручку, трубку к уху поднесёшь:

– Алло, дежурная! Мне Знаменку!

– Соединяю. Говорите...

Вдоль стены – длинная лавка. На ней обычно дежурила, отвечая на звонки, маленькая Люсенька.

– Папа, тебя! – с криком она бежала в дальнюю комнату, и её тоненькие косички смешно подпрыгивали на маленькой аккуратной головке.

– Ах, ты, мой цветок-лепесток! Солнышко с косичками! – обнимал он девочку, и его глаза из-под карниза густых бесформенных бровей, раньше времени припорошённых пеплом, излучали тепло необыкновенное.

– Хочешь, Люсёк, я тебя к Фёдору Осиповичу отведу? – спрашивал Иван после минутного разговора по телефону. – Понимаешь, дочь, мне на дальнюю делянку ехать надо. Озоровуют там мужики – лес рубят. А места заповедные.

Люсенька к Фёдору Осиповичу идти не хотела, но всё понимала. Рука об руку с отцом, перешагнув высокие сугробы, через несколько минут девочка гладила дядю Федю-ёжика по щётчке седых жёстких волос. Потом, нацепив его очки с толстыми круглыми стёклами, хозяйничала на письменном столе, сердясь на беспорядок. Чистую бумагу – в стопочку, карандаши и ручки – в стакан, счёты – на правую сторону. А теперь самое время пощёлкать их костяшками, потом, подражая Фёдору Осиповичу, обмакнуть в чернильницу перо толстой деревянной ручки и написать на листе бумаги пару знакомых букв – «Л» и «С», что означало – Люся Санькова.

Вскоре работа заканчивалась, и начинались часы томительного ожидания у окна. До боли в глазах Люся всматривалась в каждую отдалённую точку на дороге в надежде, что она, по мере приближения, превратится в человека, а ещё лучше, в её отца.

– Что весну ждёшь, а она не торопится? – шутил Фёдор Осипович. – Тогда ты её, красавицу, представь: сарафан зелёный, цветами украшенный, кофта белая, с рукавами широкими, русскими узорами вышитая... А сама, как ты, румяная, в косах ленты алые, волосы – колоски пшеничные.

Неожиданно старик замолчал, охнул, сунул под язык таблетку. Пришлось Люсеньке эту картину самой дорисовать:

– Махнула красавица рукавом – потекли ручейки разговорчивые, махнула другим – на деревьях распустились листочки клейкие... – Дедушка, а скоро папа придет?

– Скоро, деточка. Ты, главное, жди... Это самое большое счастье, когда есть кого ждать.

Но белая пустынная дорога не оправдывала ожидания. Разве что разнообразил пейзаж конюх Панкрат на лошади, запряжённой в сани, да, боязливо оглядываясь, подбегал к нему за подачкой вечно голодный Пират.

К вечеру, уронив седую голову на счёты, уснёт Фёдор Осипович... Утомившись, положит голову на подоконник и уснёт Люсенка... Потом её, сонную, прикрыв полами распахнутой шубы, отец на руках домой доставит.

Как-то ночью, когда мело, а Хозяин Вселенной забыл воткнуть в чёрный лист неба кнопки-звёзды, когда совсем рядом выли голодные волки, а встревоженный Пират визжал от страха, кто-то настойчиво постучал в дверь. Иван, чиркая спичками и неосмотрительно разбрасывая их вокруг, вышел в сени.

– Кто?

– Откройте, люди добрые, не дайте замёрзнуть...

Сердце сначала взлетело, потом ухнуло вниз. С ног до головы обдало жаром. Она! Иван решительно распахнул дверь – на крыльце стояла незнакомая молодая женщина.

– Вы Иван Иванович? Я – к Вам...

– Заходите, если ко мне... – буркнул хозяин.

Вошла. Поставила на пол котомку, берёзовым веником смела с валенок снег, развязала за спиной узел огромного клетчатого платка, распахнула старенькую фуфайку, поправила сбившееся между ног ситцевое платье в мелкий горошек, тяжело вздохнула, выпрямилась. Вот, мол, я... Вся тут... Какая есть...

– Люся! Чаю! Гости у нас!

Села за стол, осмотрелась. Чадила, мигала керосиновая лампа на столе. Взгляд ночной гостьи сумел выхватить из полутьмы только чучело огромного глухаря в дальнем углу да чьи-то ветвистые рога.

– Лосиные?

– Нет, мои. Проветриваю... – пошутил Иван.

Улыбнулась. И только теперь Иван позволил себе рассмотреть гостью. «Обычная. Таких много, – решил он. – Ах, нет, глаза необыкновенные, васильковые...»

Люся поставила на стол чайные чашки с блюдцами, пузатый закопчённый чайник, когда-то зелёного цвета, и другой, маленький, с розочкой на боку, исходящий ароматом лесных трав. Вслед за чайниками появилась на столе тарелочка с тремя кусочками казённого хлеба.

– Я со своим, не подумайте... – гостья торопливо развязала котомку, достала хлеб, отломала кусочек, положила рядом со своей чашкой, оставшийся – на общую тарелку. – Хорошо, когда есть с кем делить хлеб.

Оттаявшими в тепле губами, она едва прикоснулась к хлебу, сделала глоток из блюдечка, в которое предусмотрительно налила чай, и столкнулась взглядом с глазами Люси.

– Вы моя няня? Арина Родионовна? Да?

– Нет, я Матрёна Галактионовна... – смутилась, покраснела. – Извините, такое смешное имя...

– Ничего смешного не вижу. Обычное имя. Люся, тебе пора спать... – Рассказывайте, Мотя.

– Не знаю, с чего начать... – она комкала в руках носовой платок.

– С начала...

– Вы были на войне?

– Не был. И это самое тёмное пятно в моей бесцветной биографии. Не призывался. В детстве, делая мячик из старых чулок, ткнул ножом в глаз. С тех пор глаз – бутафория. Вроде на месте, а не видит. На фронте не был, но и в оккупации хватил горького до слёз. Партизанил. Дважды немцы на расстрел водили. Спасала случайность... – надеясь прочесть в её глазах сочувствие или хотя бы интерес, он внимательно смотрел на женщину.

Но она была где-то далеко, блуждая по сложным лабиринтам своей жизни, известным только ей, искала выход, не надеясь найти.

– А мой Петя был на войне. Вернулся весь израненный. Стали жить... Избу построили. Верочка родилась. Умер он, когда было ей всего два года. Голодали. Вот и попутал бес – сорвала на колхозном поле горсть колосьев. Мы их шелушили, мололи на домашней мельнице зерно да хлеб пекли. На этот раз испечь не удалось: встретился объездчик, по щекам отхлестал, колосья отобрал, в кутузку отправил. Спасибо золовке – Верочку к себе забрала. Осудили. За дело, не спорю... Дали три года тюрьмы с конфискацией имущества.

На дворе отчаянно взвыл Пират – волчий вой раздался уже под окном. Иван встал из-за стола, зарядил ружьё и вышел на крыльцо. После выстрела вой прекратился. Минутная тишина взорвалась торжествующим радостным визгом собаки, только что находившейся на грани жизни и смерти.

– Убил... Матёрый волчище. Совсем обнаглели волки к весне. Голод – не тётка, – сказал Иван, возвратившись в избу.

– Может, у него волчица была, теперь вдовой осталась ... – тихо, как будто для себя, печально проговорила Мотя и, помолчав, продолжила рассказ. – Как в тюрьме жилось, разговор отдельный. Отсидела положенный срок. Вернулась. Доченька, колосок мой любимый, единственный, меня не узнала, – Матрёна поднесла платок к глазам. – Чувствую, золовке не нужна – рот лишний. А сегодня утром она мне свой сон разгадала. Иди-ка ты, говорит, Мотя, в лесхоз к Санькову. Он мужик добрый, что-нибудь придумает. Говорят, сны иногда сбываются.

– Вот что... Ложитесь спать. Завтра решим, – неожиданно резко закончил разговор хозяин.

В эту ночь Саньков не спал.

– Надо же... Какая-то мистика. Матрёна пришла ко мне в тот же месяц, день и час, что и Василина.

Тогда под Вязьмой шли жестокие бои, и по стране бродили толпы неприкаянного, бездомного народа. Вот и постучала в его дверь беженка с Украины Василинка с маленьким ребёнком на руках. Семья погибла во время бомбёжки, а её, как единственный жёлтый листок, оставшийся на обнажённом дереве, заметил ветер, схватил сильными руками и долго мчал по городам и весям, спасая от войны. Так поселилось в двух шагах от одинокого Ивана ещё одно одиночество, а потом оказалось в его объятиях. Они были рядом, но не вместе... Параллельные миры. А он ночами мечтал хотя бы об одном нежном слове. Долго ждал. И дождался в конце войны.

– Спасибо, Иван, за то, что не дал умереть. Ты хороший, умный, добрый, но ты другой. Прости, я не люблю тебя. Ухожу. Люсеньку оставляю здесь. За ней вернусь, когда устроюсь на новом месте... – и прикоснулась к его небритой щеке холодными губами.

Ушла, пропала, сгинула. Иван ждал. Некому было гасить пожар в его душе, и постепенно он научился наслаждаться одиночеством. Спасали книги, учёба в институте, работа, Люсенька. Иван ждал.

– Матрёна... – продолжал он ночной диалог с самим собой. – Господи... имя-то какое, ужас! Матрёна и Василина... Ничего общего... Небо и земля. Но в то же время... – так маялся всю ночь.

Ближе к утру Иван принял решение и на цыпочках подошёл к кровати Матрёны:

– Подвинься, Матрён...

Это была близость людей, измученных одиночеством, близость от тоски по чужому телу, от безысходности близость.

К Фёдору Осиповичу отец Люсеньку теперь не водил. С Матрёной она искала в лесу «следы невиданных зверей» и находила. Избушку на курьих ножках пока не нашли, но отец обещал обязательно её показать. Из кота Барсика пытались сделать «кота учёного», но он никак

не хотел ходить по цепи, которую одолжили у Пирата. На столе появилась настоящая еда и даже пироги. Вот только, заплетая Люсеньке косички, Матрёна часто плакала.

– Соринка в глаз попала, – объясняла она девочке причину слёз.

Иногда, отпросившись у Ивана, она на пару дней исчезала. А вернувшись, плакала тайком.

Что за жизнь! Настоящая карусель! Незаметно промелькнуло лето. Осень закружила Саньковых в хороводе забот о запасах к предстоящей зиме. Не заметили, как выпал первый снег и ударили первые морозы.

– Не пойду сегодня на улицу, – капризничала Люсенька. – По радио говорили, что морозы ударят. А это, наверно, больно.

– Что ты, Люсенька, посмотри, какое на улице солнышко! Тёплый лучик заберётся тебе за воротник и согреет, – терпеливо объясняла Матрёна и вела девочку гулять.

А на улице Панкрат Матрёне проходу не давал:

– По фене ботаешь?

Засмущается, убежит в избу и опять плачет.

По ночам снова стал беспокоиться Пират, подвывая волкам.

– Наверно, волчица-вдова по своему волку тоскует, – предположила Матрёна.

Как-то за ужином, глядя на телефон, она рассказала историю:

– У нас в Сидоровке телефон был только в сельсовете. Мало кто его в глаза видел. Прибегает как-то в сельсовет Танька Козлова, и к телефону. За ручку покрутила и в трубку кричит:

– Тра-ля-ля! Тра-ля-ля! Знаменка, Знаменка! Бабку Гапку обокрали всю дочистушка!

Матрёна громко смеялась, а Иван всё отчётливее понимал, что наступил ещё раз на одни и те же грабли. Иногда он пытался присоединить свои грехи к грехам соседей – не понравилось. Подолгу не бывал дома, но к вечеру возвращался всегда. Поэтому отсутствие Ивана в поздний час не на шутку встревожило Матрёну.

Попросила соседей присмотреть за спящей девочкой, зажгла большой фонарь и, подняв его высоко над головой, по протоптанной лошадьё тропинке бросилась в лес. Казалось, деревья расступились перед этим напором воли и страстного желания найти человека, помочь ему. Страх не было.

Огни волчьих глаз возникли перед ней неожиданно. Их было много. Матрёну поразила тишина, которая, как будто пришла вместе с ночью, чтобы шатром раскинуться и скрыть кровавое пиршество стаи. Волки рвали на куски безвольное тело коня.

– Иван! Иван! – кричала Матрёна, размахивая фонарём. – Ты где? Отзовись!

Испугавшись огня, волки, злобно рычали, понимая, что человек сильнее. Это страшный голод довёл их до безумного шага. Они исчезли, но осталась волчица, которая в два прыжка оказалась рядом с Матрёной. Серая, когда-то густая шерсть, клоками свисала с впавших боков, в движениях не было былой силы и ловкости, а в глазах горели костры ненависти к человеку.

Кричать не было сил. Убежать? Волки бегают быстро. Догонят, бросятся на спину и загрызут. Наброситься на волчицу? Для этого нужно иметь огромную силу, скорость реакции, ловкость. Имея ружьё, можно бы продержаться...

Матрёна сделала шаг вперёд – взгляды женщины и волчицы встретились.

– Прошу тебя, уйди с моего пути, – шептала Матрёна, стремясь подчинить волчицу своей воле. – Мы с тобой – вдовы. Ты должна понимать меня. Этот человек нужен мне. Я люблю его и тебе не отдам.

Волчица не двигалась. Постепенно её глаза наполнились необычным зелёным светом, и она, по-собачьи тьякнув, прыгнула в кусты, уступив дорогу.

– Матрёна... – голос Ивана заглушался шумом деревьев.

Одуванчиковый омут

Всё началось с того, что Димка Гольцов за успешную сдачу экзаменов в зимнюю сессию был премирован туристической путёвкой. Путешествие по Европе! Увидеть золотые купола пражских соборов, замереть у Стены Любви, сфотографироваться на фоне Эйфелевой башни. Об этом мечтал каждый из нас.

Мы, студенты провинциального кулинарного колледжа, провинциальные, как и наш город, на каникулах откровенно скучали. Зима свирепствовала: метели выводили рулады, ветер в окна стучал, желая погреться. Пришлось окна законопатить, плотнее закрыть двери и, замерев в позе эмбриона, впасть в зимнюю спячку.

– Вот приедет Дима... Он расскажет. Скорее бы, – так обычно заканчивались наши телефонные разговоры.

Я тоже ждала его, как Пенелопа Одиссея. Димка нравился мне. Но он охранял свою свободу, как часовой Мавзолей.

– Длинные волосы заземляют тебя, Настя. – Высокие каблуки не идут, ты теряешь силу и начинаешь витать в облаках, – говорил он с усмешкой.

– Димка вернулся! – всеобщая радость и сбор в общежитии.

А он, зная себе цену, как и положено лицу значительному, опаздывал. Мы посматривали на часы и терпеливо гасили обильной слюной пожар взывавшего аппетита. Когда надежда, помучившись, умерла, дверь распахнулась. Боже мой, от прежнего Димки, самого модного парня в группе, ничего не осталось! Шапка-ушанка, телогрейка, валенки. Немая сцена. Потом чей-то крик «отстой!», и голос, откуда-то издали, спокойный и уверенный:

– Удивлены? Тьфу, на вас, деревенщина. Теперь в Европе одеваются именно так. Гордитесь, убогие! Русская мода перешагнула границы! – и он, развернув плечи, вразвалку прошёлся между кроватями, пытаясь изобразить модель на подиуме.

Минутная пауза. На лицах палитра чувств – от восхищения до презрения... Наконец оцепенение прошло. Маринка в ушанке кривлялась перед зеркалом, Егор в огромных валенках копировал походку медведя, только что покинувшего берлогу, Иван с Каткой рвали фуфайку из рук друг друга. Я подумала о том, что завтра тоже смогу поддержать авторитет русской моды, стоит только заглянуть в бабушкин чулан.

«Бульк» в стаканы восстановил порядок.

– С возвращением! Как там? Колись!

Однако Дима не спешил. Едва коснувшись стакана, он промокнул губы носовым платком, дал возможность вдохнуть запах французского парфюма, насладиться, оценить. Потом, причмокивая, катал во рту долгоиграющий леденец и только потом процедил сквозь зубы:

– Европа, как Европа. Везде люди живут, мужики... – он почему-то, игнорируя женскую, обратился к мужской половине компании. – Подумаешь, Собор Парижской Богоматери. А у нас – Собор Василия Блаженного. У них – Дрезденская галерея, а у нас – Эрмитаж. Ну и что?

– Хватит тюльку гнать! – взорвалась я. – Конкретно излагай, патриот ты наш доморощенный.

– Конкретно? Поймите правильно, я не собираюсь навязывать европейские порядки. Однако меня наповал сразили традиции итальянцев. Следуя им, оказывается, так легко найти в толпе единственную или единственного. Думаю, это актуально. Попробуем найти свою пару здесь и сейчас? Я режиссирую любовь, – взгляд изучающе заскользил по лицам. – Молчанье – знак согласия, – подвёл он итог. – Бумагу, ножницы, ручку...

Я не сразу поняла, что за этим последует. Имена присутствующих парней были написаны на полосках бумаги и отправлены в заграничную шапку-ушанку. Руки девушек искали в ней свою судьбу. Оказывается, началась свадебная жеребьёвка.

– Женька! Женька! Женька! – целуя бумажку, визжала Катька Аверина, тайно в него влюблённая.

– И-и-ва-ан! – разочарованно пропела Маринка, сморщив аккуратный носик.

– Егор? – искренне удивилась я и почувствовала изучающий взгляд Димана.

Возгласы, поцелуи, прыжки до потолка! Наконец, девушки оказались рядом с избранниками.

– Я объявляю вас женихами и невестами, – равнодушно, как работник ЗАГСА пенсионного возраста, скороговоркой выдал Димка. – За вас!

Стекло звякнуло стаканами.

– Вы поняли, что это вас ни к чему не обязывает? Дружите. Интим исключается. Понравитесь друг другу, тогда «за честной пирок, да за свадебку...» – режиссёр завершил ритуал.

Мы с Егором вели себя, как настоящие обручённые: ходили друг к другу в гости, обменивались копеечными подарками, на людях демонстрировали взаимную симпатию. Я настойчиво навязывала ему образ «кисейной барышни». На голове кудряшки, на лице томная улыбка, в одежде игра со стилем очаровательной милашки: бантики, цветочки, оборочки...

Егор в джинсах «бойфренд» представился мне в образе разбитного, весёлого парня, решительного и самостоятельного. Главное, он не собирался точь-в-точь следовать итальянским ритуалам. Пение серенады под балконом исключил и велел спешно сбросить с него символический ключ от квартиры, доставшейся мне в наследство от бабушки. Егор ночевал ночь, две, три... Я не заморачивалась идеей потерять девственность в первую брачную ночь и вскоре окончательно поняла, что осталось зацепить заколкой фату, и «в замуж» готова!

К свадьбе настойчиво подталкивало общее продолжение: оно дрыгало ногами и руками, навязывало желания. То, видите ли, ему солёных огурцов хотелось, то мандаринчиков. Договориться было невозможно. Я постоянно что-нибудь жевала и даже ночью хлопала дверцей полупустого холодильника.

Уговорить Егора жениться удалось за одну минуту. Он не смог противостоять вескому аргументу соседки Палны: «Если огурцов хоцца, малец будет, как пить дать...» Егор хотел сына.

Нарушив ритуал, предписывающий жениться осенью, замутили свадьбу летом. Зато приданое, как и положено, повезли в деревню к родителям Егора за неделю до свадьбы.

Удивительна российская топонимика! Романтическое название деревни – Голубки сулило семейное счастье. Лето. Благополучно очнувшись после черёмухового, сиреневого, вишнёвого и яблочного обморока, деревня упала в одуванчиковый.

Жёлтые цветочки на зелёном платье земли заряжаются энергией солнца, которую тут же передают людям, радуют глаз, дают надежду на счастливую жизнь. Девушки из них венки плетут, бабушки варенье варят, лекарственные сборы готовят. Пока растут одуванчики, живёт Россия!

Но во всём нужна мера. А они расползлись по косограм, растопырились по обочинам дорог, дворам и огородам, ежедневно захватывая новые территории. Настоящее нашествие. Знают точно, что люди не потерпят захватчиков: с корнем вырвут, землёй забросают, буйствовать не позволят, но упорно растут, превращаясь в сорняки. Только от них избавятся, а одуванчики через день-два опять бабам, сидящим на скамейке у калитки, ноги ласкают.

Дома родители встретили хлебом-солью, расцеловали. Коротко твякнув, исчез в конуре пёс с модной кличкой Жулик. Мимо пробежал, подметая пушистым хвостом двор, и спрятался, маскируясь в одуванчиках, рыжий кот Тихон. Егор меня через порог на руках перенёс. В избе комнату с высокой кроватью и двумя перинами показали. Я тут же достала из сумки с прида-

ным и повесила на гвоздь новое полотенце. Потом мы с Егором пошли в баню, но, признаюсь, помыться забыли.

Однокурсники во главе с Диманом, не выдержав испытания ожиданием, приехали вслед за нами. Они веселились, болтались под ногами, устраивали розыгрыши. Тихона бесило: шёл по делам, а его ловили и начинали тискать. Хитрый Жулик целый день лежал в конуре и наслаждался покоем, чувствуя, что его время не пришло.

И тут появилась она, соседка баба Варя. На ногах резиновые калоши, цветастый передник на пышной юбке в горошек, на голове – белый платок. Глаза-щёлочки, когда-то синие, а теперь бесцветные, склеротический румянец на щеках, на губе пристроился единственный зуб.

– Егорушка, – жалостливо пропела она. Христом Богом прошу, прополите мой огород. Замучили одуванчики. Несудом с Гапкиного огорода лезут. Я в долгу не останусь...

– Прополем, баба Варя. Обязательно прополем, – заверил Егор, поднося стопку самогона. – Вон, рабсила без работыдохнет.

Катька кокетничала:

– Женечка, закрой глаза, открой рот...

Расслабившись, глупо улыбаясь, в предвкушении чего-то необыкновенного, Женька во всю ширину открывал рот и получал распушившийся одуванчик. Шум, писк, возня!

– Тьфу! – выразила отношение к происходящему баба Варя и пошла со двора, с трудом переваливаясь с ноги на ногу.

Подготовка к свадьбе достигла своего апогея. Кто-то из озорства сорвал с календаря сразу три листка, так что, если ему верить, свадьба по ускоренному графику должна давно начаться и закончиться. Но в реальности оставался один день.

Ещё петухи не пели, а одержимая идеей баба Варя повторила визит.

– Эй, сынки! – кричала она что есть мочи. – Открывайте ворота! Сон на пуды не вешать. Пора на огород, пока не жарко... Я вам и булку спекла... – последняя фраза в исполнении бабы Вари звучала заманчиво-ласково.

Но крепок утренний сон. Перелезть через забор бабе Варе помешала старость и юбка в горошек. Теперь её душераздирающий крик слышали все. С забора сняли и, накормив обещаниями, отправили восвояси.

Я не ленилась. Вместе с родителями с утра до вечера жарила, парила, пекла. Как гостей угостишь, так и жизнь сложится. Эта истина известна всем.

– А сватья-то наша где? Что-то не торопится... – недоумевали родители Егора.

Нет, не могла я сказать, что свадьба не входит в её планы. До замужества маме довелось побывать в Германии, и с тех пор немецкий «орднунг» стал законом жизни. Я вылетела из родного гнезда и очень рано стала самостоятельной. Иногда мама давала небольшие суммы с условием, что верну, когда буду работать. Отец, изо дня в день давившийся «абендбротом», измученный постоянными упреками за несоблюдение особых правил, выпал из гнезда ещё раньше. Приглашение на свадьбу мама не приняла, потому что родительский долг выполнила: родила меня и воспитала.

Не ответив на вопрос, я наблюдала, как пёс Жулик устал прятать сахарные косточки, кусочки мяса, которые не пережевала и выплюнула мясорубка. Закапывая их, он постоянно оглядывался: не подсматривает ли худой глаз место захоронения собачьегоклада?

Следуя итальянской традиции, я занялась приготовлением блюда, равного которому по вкусу на столе не должно быть. Мне всегда удавалось мясо по-французски. Как я старалась! Результат превзошёл ожидания. Хрустящая корочка, ореховый цвет, в меру остро, в меру солёно... М-м-м...

Если судить по внешним признакам, свадьба началась неделю назад. С момента приезда Егор потерялся среди огромных бутылей самогона. Соседи, родственники приходили со мной знакомиться, поддержать советом, а заодно попробовать, удался ли самогон. Егор встречал,

проводил визитёров, поддерживал участием желание выпить. Конечно, свадьба ещё не пела и не плясала, она только брала разгон, но изматывала, как вяло текущая пневмония.

В сопровождении постоянной свиты, Жулика и Тихона, уставший, но, по-прежнему, счастливый, Егор ввалился на кухню, чмокнул меня в щёчку, вдохнул необыкновенный запах необыкновенного блюда и рухнул на пол. Сопровождающие лица устроились рядом. Я решила их не беспокоить.

По моей версии, далее события разворачивались так. Жулик не сводил глаз со сковородки с мясом, измученный мыслью: «Да кто я такой, чтобы себе в чём-нибудь отказывать?»

– Мяса хочешь? Ах, ты, жулик... – потрепал за уши любимца Егор. – Ешь, разрешаю, – и уснул.

Когда я появилась на кухне, Жулик и Тихон домывали языками сковородку. Часть мяса съели, а часть хозяйственный Жулик спрятал на чёрный день. Я обомлела. Ругать некого. Егор – мой жених, завтра свадьба. Жулик и Тихон не виноваты: съесть мясо разрешил хозяин.

– Я тебя люблю, Егорушка, – искренне сказала я, чтобы в ответ услышать то же самое.

Начинать заново не было сил. На помощь пришёл Димка. Он объявил полный сбор и напомнил о соблюдении итальянских традиций: на свадебном столе должны быть блюда из одуванчиков. Их вокруг тьма, рецепты он прихватил, поваров – целая группа.

– Вы, конечно, понимаете, что русская деревня – не загадочная Венеция с гондольерами и мистическими маскарадами. Дом Егора – не вилла на берегу океана. А свадьба не должна напоминать грустную историю о любви Ромео и Джульетты... Но к европейским стандартам нужно стремиться... – убеждал нас Димка.

К началу свадьбы на столах во дворе дома, расставленных на зелёном ковре, пестревшим одуванчиками, стояли вазы с одуванчиками, салаты, запеканки, котлеты с одуванчиковым гарниром, в кувшинах янтарным блеском переливался одуванчиковый мёд. На моей голове красовалась солнечная корона из одуванчиков. Это был обморок, одуванчиковый обморок.

– Им лучше знать – городские... Мы старые, глупые... – доверившись молодым, успокаивали друг друга родители.

К назначенному времени никто из гостей не пришёл. Одуванчики в вазах завяли. Рыжие головы, потеряв опору, бились о стенки сосудов – жить не жили и умирать не хотели. Я рыдала до тех пор, пока в вечернем воздухе не запахло пылью, ветер не донёс запах парного молока, и по деревне не прошло мычащее и блеющее стадо.

Как по команде, к дому потянулись односельчане. Женщины, нарядные, красиво причёсанные, словно и не на их плечах лежит груз тяжёлой крестьянской работы. Мужчины, гладко выбритые, в праздничных рубашках, галстуками у ворота подхваченных, будто и не они только что до изнеможения махали косами...

Гости нарядные, мы счастливые. Расселись. Самое время первому тосту, но тут со стопкой в руках, нарушая сценарий, к нам пробралась принаряженная баба Варя.

– Егорушка, ты меня не обмани. Огород мой в одуванчиках тонет, спаси... Завтра с утра и приходи, подсоби старухе...

Последние слова потонули в крике «горько». Выпили, потянулись закусить, скривились и вилки в сторону отложили... Показалось, действительно горько. Так задумано, что ли? Женщины стали незаметно из-за стола исчезать, но возвращались быстро.

– Я пирог вчера испекла, пробуйте. Может, чего не хватает... – Ольга развернула огромный пакет.

Валентина принесла помидоры:

– Девать некуда...

А сама купила их на рынке. Сосед Мишка достал из кармана брюк неупакованный огромный, истекающий жиром лапоть-пирог с капустой и протянул мне.

Кто-то принёс творог, деревенскую сметану, с мясными прослойками сало. Тут и родители выставили на стол традиционные русские блюда.

Салат из одуванчиков ел только Дима, потому что только он был в Европе, а пела и плясала вся деревня. Огород бабе Варе «в промежутках между тостами» пропололи.

Свадьба Женьки и Катьки будет осенью. Ни к чему им эти одуванчики.

Боже! Верни мне Марию!

Я жму на кнопки пульта дистанционного управления. Хочется душой отдохнуть в морских глубинах, глазами – в зелёном мареве лесов, почувствовать на щеке ласковое прикосновение морского бриза, погрузиться в божественный транс.

Но на мерзком телевизионном экране – только пылающее небо и бесконечные пески. Я, вечный странник, на себя не похожий, здесь, в сожженной солнцем пустыне, где хозяйева – ветер и солнце.

Песок, напоминающий ржаную муку, забивает уши, глаза, нос. Вот уже и волосы – песок, и руки – древесная кора. Но это не страшно. Страшнее, если душа – раскалённая, пустая и бесплодная пустыня.

Хочется пить. Кажется, глоток воды вернёт в потерянный рай. Туда, где она, Мария...

Она ушла от меня, не объясняя, не требуя, не надеясь. С тех пор я наедине с собой в кресле у телевизионного экрана. Мне плевать на работу, плевать на всё, что происходит вокруг – я забыл обо всём!

Моя душа ведёт меня в пустыню собственного «Я».

В лучах заходящего солнца по барханам змеей скользнула женская тень... Вечернее платье – ночное небо, светлые волосы – ручьём, глаза – звёздами. Мария! Сейчас или никогда! Пять лет вместе. Я имею право просить её руки.

– Поздно... – шелест губ, скрытый шумом песка.

Я вижу, как сморщилось её лицо. Исчезло видение, превратившись в тень, отползло в сторону и растворилось в песках.

Саксаул... Корявый стан, иссушённый зноем, чёрные ветви, как сломанные руки. Немолодая женщина с глубокими ранами на обнажённом теле и синяками на лице пытается разжечь возле него костёр. Но, как только робкой свечой загорятся подождённые искоркой веточки, ветер гасит последнюю надежду согреться.

Эту женщину я где-то видел. Ах, как подводит память! Ещё немного напряжения, ещё чуть-чуть... Женщин было не мало. Успех невозможен без них. Они могли быть и старше меня, и моложе – не в этом суть. Вместо моей самоуверенности, холода и мрака я получал жар сердец и неистощимый запас человеческого тепла. Так было не раз.

– Совесть! Это моя Совесть! – узнал я женщину.

Она не подала мне руки.

– Не рада встрече с тобой. Помнишь, как ты готовил для телевидения сюжет об экологическом неблагополучии окружающей среды? Приехал, посмотрел – неблагополучия нет. Купил в магазине банку мойвы. Разбросал по поверхности озера. Есть неблагополучие! Есть сюжет! Кто виноват в бессовестном обмане? Я – твоя Совесть! – заплакала она. – А помнишь?

– Устал тебя слушать! Уйди!

Были и другие женщины... Помню их имена: Правда, Совесть, Справедливость, Честность, Любовь. С ними я давно распрощался.

Оглушительная тишина. Лишь шум песка под ногами караванчиков и верблюдов. Люди? Я никого не хочу видеть. Попросят пищи, воды, заберут тепло моего костра. Я не собираюсь думать о людях. Пусть каждый заботится только о себе, обо всех пусть думает Бог.

Что за дети играют в дюнах? Мои не рождённые дети? Пусть играют. Не надо о них беспокоиться. Они воспримут это как возросшее к ним доверие. Вырастут – поймут.

Невыносимая жара. И нет возможности укрыться от смертоносных лучей. Любовь, честность, совесть, вера в Бога уже горят. Что ещё бросить в огненную топку моей души? Идеалы? Я выбросил из головы Энгельса, смахнул с одного плеча Маркса, с другого – Ленина, приготовился пнуть ногой третьего, четвёртого... В моей душе их нет, и не может быть.

– В Австрии новый президент? Он имеет русские корни? Не завидую этой стране.

Моя душа стала пустыней. Я умер? Или должен жить, чтобы превратить пустыню в цветущий сад? Но чем теперь заполнять душу? Ложью, Завистью, Злобой, Враждой?

Воздух какое-то мгновение напоминает морской. Но вскоре я осознаю, что это не так. Аромат здесь особенный. Вот бы пустыне ещё и платье необыкновенное, а душе моей, раскрывшейся в одиночестве, – прекрасную мечту.

Боже, верни мне Марию! Вместе с ней мы придём к пониманию жизни.

Может, молитвы мои не доходят до неба, потому что оно от меня закрыто грязно-серым потолком? Может, слишком слабо и не уверенно звучит мой одинокий голос?

Боже!!! Верни мне Марию!!!

Не дайте женщине заплакать

– Дорогие мои, Иван, Настя! Счастья вам, дети! Для вас ничего не жалко... – торжественно изрекла тёща, доставая из складок просторного хитона надёжно запечатанный конверт.

Музыка затихла. Осознавая важность очередного свадебного этапа, гости перестали жевать, невеста протянула руку за подарком, но ловкий жених конверт заполучил первым и, долго не раздумывая, вскрыл. Пуст конверт...

Последствия могли быть непредсказуемыми, но зарыдала невеста, а Иван не переносил женских слёз. Он знал, что Бог женские слезинки тщательно считает. Глубоко вздохнув, изобразив милую улыбку, подчеркнув, что невеста плачет от счастья, жених поблагодарил «маму», чмокнул в зардевшуюся щеку и объявил вслух невиданную сумму подарка.

Кто-то ахнул, кто-то ойкнул, кто-то заплодировал, не жалея собственных ладоней... Мама выпрямилась и торжествующим взглядом обвела гостей:

– Горько!

– Горько! Горько! – подхватили гости, и молодые закусили горечь сладким поцелуем.

Как настоящий мужчина, Иван Фролов планировал отмечать в мае три важные даты: День рождения жены, День пограничника и дату приобретения нового автомобиля. Конечно, чтобы получить признание, надо бы присовокупить к ним и День рождения тёщи. Но этот праздник, как видите, изжил себя в самом начале родственных отношений.

Многое в семейной жизни Ивана устраивало. В глазах жены – безмятежная ясность, в уголках губ, как у Джоконды, улыбка прячется, походка царственная. В доме чисто – ангелы летают. Дети не пищат – накормлены. Мужа Настя и словом не обидит...

– Человек живёт для удовольствия, – шутил Иван, – поэтому мне, в дополнение к прочему, необходимо спать с женой и в жару покупать себе мороженое.

Отметить День рождения жены для Ивана – святое дело. Цветы, Шампанское, конфеты, поцелуи – всё, как полагается.

– Угощайся, Настя... Бери конфеты, бери, сколько хочешь. Хоть две...

Но плачет Настя – печаль выжала слёзы. Крохотные слезинки одну за другой она на праздничное платье роняет и трогательно так шепчет:

– Ребёночка хочу...

– Соображаешь? Зачем нам третий? Для себя надо пожить... Машину поменять... Ребёнку многое нужно. Большие расходы. Где денег взять? Кашу маслом каждый день мазать надо... – пыгается урезонить её Иван.

– А мы её и без масла, – захлёбывается слезами Настя. – Иду по селу – подружки с детьми навстречу. У кого Вадим, у кого Альфред, у кого Адам. Одна я, как дура, Толика за руку ташу, а за нами Мишка бежит. Хочу... Руслана...

Слёзы уже рекой текут. Вдруг Настя шаст к компьютеру – графу «Семейное положение» в «Одноклассниках» исправлять. В миг из замужней женщины Фроловой стала свободной – Рыкалиной.

Хорошо, что Настя научила мужа понимать свои страдания.

– Виноват, виноват, Настенька... Я, дурак, эти имена детям придумал. Поправим дело. Верни, ягодка, своё семейное положение обратно... – уговаривал жену Иван, вспомнив, что Бог считает женские слёзы.

Наконец грешник получил отпущение грехов, а гордый статус «замужем за Фроловым И. И.» вернулся на место.

После ссоры так приятен мир. Постепенно слабея, враждебный дух смирился, потом окончательно утих. Ему на смену снова спешили неземные страсти.

Приближался День пограничника. Иван уважал этот праздник и принадлежностью к погранвойскам гордился. Два года на Сахалине служил. Всякое бывало. Вспоминать о службе любил и с друзьями любил накатить по случаю стопочку-другую. Поздравили его сослуживцы, зелёный берет с кокардой подарили. Правда, он маловатым оказался, но на затылок всё-таки благополучно присел.

– Во! Как раз! К лицу! У тебя же глаз узкий, а нос – плюский, а на затылке – блин, – смеялись мужики.

Выпили, воспоминания Фролова добросовестно выслушали. Потом завгар поднял любимую тему: у кого какая машина.

– Твою машину, Иван, менять надо. Старая она, пробег по России большой, мотор дымит, цилиндр гильзовать без толку, ходовая – ни к чёрту, да и выхлопная на замену просится. Копи на новую, друг.

Приуныл Иван. Под каждым словом завгара подписаться готов. Май заканчивается, а праздновать нечего – нет автомобиля. А что дальше? Попробуй – накопи...

Стопка за стопкой, слово – за слово. Расхрабрился Иван:

– Я, как напьюсь, мужики, никого не боюсь...

– И жены? – подлил масла в огонь слесарь Егор.

– Нет, до такой степени я ещё никогда не напивался.

Однако сдал без единого выстрела границу Иван. Он и не заметил, как напился «до такой степени». А страх всё равно остался. Проблемы казались неразрешимыми, жизнь безрадостной, мечта неосуществимой. Одним словом, отложенные надежды. Муторно на душе и в желудке. Дремлет русский ум, а жаль.

Ночь. Лежит под небом звёздным печальная голая земля... Ни травинки на ней, ни листочка на деревьях... Пограничник Иван Фролов, одинокий и несчастный, к дому еле живой тянется, по дороге смысл жизни теряет... Звёзды на него глаза таращат, на невиданное чудо с высоты взирают... «Улица, улица, ты, брат, пьяна...»

Подошёл Иван к дому – застава на замке. Дважды с верным псом Дозором обошёл вдоль забора границу: «никто не проскочит, никто не пройдёт...» Робко постучал в дверь – тишина. Сел на крыльцо, закурил. Нервничает.

Наконец дверь заскрипела и открылась. Иван успел заметить, как вглубь коридора царственной походкой удаляется Настя. Прошмыгнул он в комнату, разделся, нырнул к жене под одеяло, приняв позу №69, называемую в народе «валет», и сразу же мирно засопел.

– Ещё раз напьюсь, будет выкидыш... за дверь, с вещами... – тихонько, чтобы не будить детей, сказала жена.

Ни слова – в ответ. Тихо. Только мерно постукивали ходики на стене, да где-то за окном мяукал перепутавший месяц блудливый соседский кот.

– Ну, что, пограничник, картошку в этом году сажать собираешься? – спросила Настя утром вполне миролюбиво.

– Так холодно, Настя. Осенью посадим, озимую, – пробовал шутить Иван.

– А ты её в мундире сажай – не замёрзнет, – не сдавалась жена.

– У огорода есть ты, а у меня нет отпуска, – нарушил границу взаимопонимания Иван и, не обращая внимания на слёзы Насти, отбыл на работу.

Праздник закончился, но мужики сказали, что по этикету гулять можно неделю. Эта мысль Ивану понравилась. Так бывает. Сначала человек убивает лучшие чувства в себе, потом в окружающих. Пил, с Настей ссорился, о главном удовольствии мыслей не было, потому что он хорошо помнил о семейной примете. Если ночи до и после Дня пограничника холодные, звёздные, потому что лето где-то загуляло и в срок на работу не вышло, в феврале, ко Дню защитника Отечества, жди на «заставе» прибавление. Это в его планы не входило.

– Пил? – в очередной раз встретила тревожным вопросом Настя вернувшегося с работы мужа.

– Нет.

– Врёшь? Ну-ка, скажи быстро: «Сыворотка из-под простокваши...» – Получилось! Молодец! – Настя бросилась к нему на шею, покрывая отчаянными поцелуями давно не бритые щёки.

Что слаще радости? И вспомнил тут Иван, что человек живёт для удовольствия.

На другой день он и мороженое себе купил – день выдался жаркий, потому что лето наконец-то приступило к работе. Под солнечными лучами нежился сторожевой пёс Дозор, громче, чем обычно кукарекали петухи, кудахтали, привлекая их внимание куры, на вспаханном огороде из земли лезли черви – на рыбалку просились, Мишка и Толик во дворе тянули провода – в электрики готовились.

Как и положено, разноцветное лето сменила ярко-оранжевая осень, потом пришла элегантно-белая зима. И вот в феврале, в День защитника Отечества, у Фроловых родился будущий пограничник.

Иван, Мишка и Толик, притопывая ногами, мёрзли под окнами роддома.

– Настя, – кричал отец, сложив рупором руки. – На кого Руслан похож? На меня? Руки-ноги на месте? А зубы есть? Скажи сыну, что я ему свой берет подарю.

Настя плакала. Но это были слёзы радости, которые Бог тоже обязательно сосчитает.

Ловушка для совести

День начинался, как в детском стихотворении Корнея Чуковского:

– У меня зазвонил телефон.

– Кто говорит?

– Слон...

Только говорил не Слон. Абонент был неизвестен.

– Я не должна говорить «да», только бы не сказать «да»... – напомнила себе Анна, напуганная историями, когда после общения с неизвестными с телефонного счёта исчезали деньги.

– Слушаю, – дрожащим голосом выдала она.

– Анна Фёдоровна Одинцова?

– Я, – Анна едва не сказала «да».

– За кандидата в депутаты Степанова В. Ф. голосовали?

– Слукавить или правду сказать? – несколько секунд Анна решала проблему нравственного выбора, потом пролепетала:

– Голоси... голосовала...

– Мы предлагаем Вам поехать в Овсянку. Через два дня автобус в семь утра отойдёт от кинотеатра.

В Овсянку? Название населённого пункта на Енисее Анне известно. Туда, в местную «психушку», недавно увезли агрессивного соседа Никитича. Он набрасывался на каждого встречного с кулаками, требовал 1000 рублей и утверждал, что его обманули. И её, Анну, туда, где Никитич? А может, в стране идёт «психдиспансеризация» старшего поколения? Ловушка?

В поисках причин неизбежной диспансеризации Анна по зёрнышку перебирала свою жизнь. Вспоминалось, как мужа десять лет назад хоронила, как в дождливое лето картошка не уродилась, как лесопилка сгорела, а у фермера Петровича дочка повесилась... И каждый раз воспоминания начинались с прощального вечера в родной деревне.

Вот калитка, жалобно скрипнув, пропустила во двор соседа Петра. Гармошка в его руках вздохнула мехами, взвизгнула и замолчала.

– Не чичас, бабоньки... – пояснил ситуацию Пётр готовым к веселью соседкам. – Делу – время, потехе – час.

Место за хромоногим столом, доживающим свой век на улице, нашлось всем. Пирог в большой эмалированной миске застыли в ожидании комплиментов, нарядная бутылка вина с заморской этикеткой, приберегаемая до особого случая, тянулась к гранёным стаканам.

– Дорогие соседи! Спасибо, что пришли, – хозяйка застолья Анна приветливо улыбнулась. – Время уходит в седину. Жизнь кончается, а я так и не узнала, что такое смог. Всё зелень да зелень... – она помолчала. – Теперь сбылась моя тайная мечта: уезжаю... в город.

Громко ойкнула гармошка, будто точку в конце речи поставила. Решительно, нисколько не сомневаясь в правильности слов, Пётр, привыкший чужие поступки объяснять своими особенностями, выпалил:

– Начинать делать глупости, Аннушка, надо раньше, а не в шестьдесят лет. Тогда и возможностей исправить их будет больше. Подумай, хорошо подумай. В городе для таких чудаков, как мы, везде ловушки расставлены.

Женщины заговорили одновременно.. У каждой был свой пример, была своя история.

– Цыть, сороки! – прикрикнул Пётр. – Дайте Анне слово сказать.

– Я объясню причину своей глупости, – заторопилась Анна, не обращая внимания на внешние помехи. – Сын с невесткой на постоянное жительство в Германию уезжают... Что ж... Им виднее.... Меня просят пожить в их квартире.

– Значит, ты, Анька, теперь сторожем будешь? – не унимался сосед.

– Да хватит тебе, Петро, чужую жизнь раскрашивать... Придумала Аня себе картинку, мучилась, пока рисовала. Теперь самое время её посмотреть, – вмешалась в разговор Татьяна. – Не бойся, Анна, перемен. Чаще всего они случаются, когда необходимы. – Погладим дорожку соседке! На посошок!

Звякнули стаканы, задвигалась по кругу миска с пирогами. Пётр к спиртному не прикоснулся. Пальцы задели кнопочки, и взлетела, страдая, его душа, сливаясь с душой гармошки.

– Эх, страданье – страданцово... Люблю Аньку Одинцову... – признался Пётр.

– Эх, страданье, чтоб ты сдохло... По тебе я вся иссохла... – ответила взаимностью Анна.

Вспомнив прощальный вечер, вздохнула Анна и себе неутешительный диагноз поставила:

– Жить своим умом хотела, не воспользовалась чужим. Я слепая. Иду по лесу и вижу только то, к чему прикасаюсь...

В городе её многое удивляло. Она воспринимала новое время с точки зрения человека из эпохи скромного социализма. Как дорого всё в магазинах! Как сложно одеты люди! Собака в комбинезоне? Анна представила в такой одежде деревенского Тузика и рассмеялась. В кино едят и пьют? Бабы в штанах и кепках ходят, одна на другую похожие... Губы надутые, глаза нарисованные. Тьфу!

Одним словом, не полюбилось Анне городское житьё. Так сама она выбор сделала, поэтому тосковать о прошлом права не имела. Тоска – это признак несостоявшейся жизни. Спасти могло обручальное кольцо на пальце. Так ведь от него она тоже сама отказалась. Вот жизнь её жевала, жевала, а потом и выплюнула в город, где одуванчики не продают, потому что никто не покупает.

Старость – это свобода. Греться, когда холодно, прохлаждаться в тени, когда жарко. Сидеть в парке на лавочке, если захочешь, двадцать четыре часа в сутки. Если нет хлеба, по совету какой-то королевы голодным подданным, есть булочки. Чтобы тратить денег меньше, не ходить в магазин голодной.

– К тому же, дольше спишь, меньше ешь... – вздохнула Анна. – Но хочешь – не хочешь, вставать надо. Котья извёлся – завтрак просит.

Плеснула коту молока в блюдце – он усы помочил, презрительно фыркнул и с кухни вон.

– Вот паршивый интеллигент! – рассердилась Анна. – Я это молоко пью, а ему, видите ли, не нравится!

Бросила она в рот таблетку, которая от давления не помогает, подошла к окну.

Вот и утро притащилось лохматое, с причёской из кучевых облаков. Чем-то не довольные тучки обиженно наморщили лбы и заплакали холодным осенним дождём. Хотя они вторую неделю плачут, дождь – временное неудобство. Анна смотрела по телевизору правильные передачи, поэтому решила, что президент при желании может повлиять и на погоду.

Она перевела взгляд на отрывной календарь, где ежемесячно красным фломастером обводила дату получения пенсии, а чёрным – день платы за коммунальные услуги. Сегодня пятнадцатое – красный день календаря! Праздник!

Убедилась, что в старом, истрёпанном кошельке, где застёжка – два блестящих шарика, денег нет, небрежно швырнула его в сумку. Тёмная курточка на поролоне, длинная юбка, цепляющаяся за пряжки коротких ботинок, собственноручно связанная шапочка. Вот она, Анна.

– За пенсией я, – сообщила она подружкам у подъезда и угостила конфетами «Загадка».

Конфеты и в самом деле оказались «загадкой». Повезло не всем. Часть конфет оказалась несъедобной. Ловушка! Вспомнила приветливо улыбающихся продавщиц, работающих за копейки. Не выполняют план продаж – уволят. Вспомнила, поняла и простила.

– Вы меня, соседки, не судите, – попросила она. – Деревенская привычка угощать – сохранилась. Как лучше хотела... – покраснела, глаза от людей спрятала, – не мой грех.

Прилетел ветерок. Живой, лёгкий, он разогнал облака, прикоснулся к пылающим щекам Анны, подтолкнул в спину – иди.

Через полчаса на кухонном столе она по кучкам раскладывала пенсию.

Плата за квартиру...

– Мам, плати за квартиру сама. Ты в ней живёшь, – сказал сын и две комнаты закрыл на ключ, оставив Анне самую маленькую.

Деньги на лекарство.

– Льготных лекарств нет, покупайте на общих основаниях, – сказал провизор, возвращая рецепты.

Остались деньги на питание и другие расходы – несколько купюр, «с достоинством низкого уровня» и какая-то мелочишка.

Смахнула деньги в кошелек Анна, а утром отправилась их раздавать. Кошелек худел на глазах.

Во дворе дома она заметила палатку. Из неё выходили весёлые и довольные люди. Любопытство взяло верх: Анна давно не видела счастливых. Подошла ближе.

– Здравствуйте, бабуля! Вы к нам? Заходите-заходите... – улыбающийся «внучок» пригласил в палатку.

Вошла. Перекрестилась на портрет красивого мужчины, напоминающего директора школы, в которой Анна когда-то училась.

– Интересно, все ли верующие люди, на самом деле верящие? – успела подумать Анна и поняла, что вопрос задала себе.

– Страна выборами живёт. Вы не останетесь в стороне? Хотите продать свой голос этому уважаемому человеку за 500 рублей? – «внучок» показал на портрет. – Проголосовать можно сейчас, не отходя от кассы. Это досрочное голосование. Подумайте! Пятьсот рублей – немалые для Вас деньги... Что-нибудь вкусенькое купите, гостей позовёте...

Какая-то правильная мысль появилась в лабиринтах мозга Анны, заблудилась и скоропостижно умерла, а в кошельке оказалась измученная сотнями рук пятисотка.

Обычно совесть мучает тех, кто не виноват.

– Иуда продал Христа за тридцать серебряников, а я совесть свою – за 500 рублей, – сокрушалась Анна. – Такие люди, как я, никогда ни в чём не разберутся. В лучшем случае поручат разбирательство умным людям. А умные сделают всё, чтобы народ оставить в дураках. Заберутся ушлые на самый верх лестницы, а слезать ни за что не хотят. Они виноваты во всём, – сделала она поспешный вывод.

Вывод сделала, но тут же засомневалась:

– Но деньги взяла я. Голосовала тоже я.

Несколько дней Анна провела в сомнениях и, наконец, успокоилась.

– Меня не испортит ни власть, ни деньги, потому что никогда не будет ни того, ни другого.

Пятисотку Анна не меняла и, казалось, о ней забыла. Пристроилась денежка в полупустом кошельке, свёрнутая в несколько раз, затаилась...

А тут злополучный звонок! Махнула Анна рукой:

– Пусть будет так, как должно быть! Поеду! В конце концов, обследование не повредит.

У кинотеатра кучковался народ. Громкий разговор прерывался весёлым смехом. Людей, похожих на сумасшедших, не было. Знакомых Анна не заметила и в одиночестве присела на краешек скамейки. Отцвело лето. Наряды свои летние яркие на осенние скромные поменяло, но разнообразия не отменило.

– Кто в Овсянку? Проходите в автобус! – этот голос был Анне знаком.

В автобусе «внучок» от имени правящей партии и депутата Степанова В. Ф. благодарил присутствующих за активное участие в избирательной кампании, пожелал хорошего путеше-

ствия в Овсянку, на родину В. П. Астафьева, величайшего русского писателя. Все аплодировали, только Анна безучастно смотрела в окно: красота необыкновенная, она спасает.

– Вы не местная? К Астафьеву впервые едете? – приставала к ней расспросами соседка. – Я – Оксана. Будем знакомы. Как-то покупала на рынке рыбу. Продавщица покупку в газету завернула. Смотрю, а в ней портрет Астафьева и статья «Совесть земли русской». Спрашиваю, знает ли она этого писателя. В ответ – равнодушное молчание. Анна, нам просто необходимо знать лучших людей и учиться у них сохранять честь, достоинство, умение за правду стоять.

– А Вы тоже за 500 рублей голос продали? – не выдержала Анна.

– Конечно, как и все люди, присутствующие здесь, – нисколько не смутилась Оксана. – А какая разница, как и за кого голосовать? Жизнь всё равно останется прежней. А мы выживем.

– Да, много нас, к сожалению... – подвела мрачный итог Анна.

– Остановка у памятника астафьевской «Царь – рыбе»! – объявил «внучок».

Здесь дышалось легко. Одинаковое для всех небо, одинаковое ощущение лёгкости и свежести. Памятник виден издалека. Хозяин енисейских водных просторов, огромного размера осётр, блеснул на солнце металлическими плавниками. Казалось, он может, но с высоты никак не решится нырнуть в тёмную глубину омутов, чтобы оказаться в родной стихии. Анне тоже хотелось оказаться на другом берегу Енисея, в мире живых, а не мёртвых душ. Мрачному старику Харону, перевозящему души умерших по водам подземных рек в царство Аида, здесь работы нет.

Совсем рядом, напомнив о близком и родном, ойкнула гармошка. Безногий гармонист, в кургузом пиджачке, наброшенном на тельняшку, в бескозырке с ленточками, где написано «Смелый», сидел на асфальте и выбирал мелодию для души. Выбрал. И полилась над енисейскими просторами знакомая каждому русскому человеку песня: «Раскинулось море широко, и волны бушуют вдали...» Руки Анны искали в кошельке деньги. Кроме злополучных пятисот рублей, других не было. Анна протянула их гармонисту.

– А вот таких денег мне не надо. Сколько вас, подкупленных! Диву даюсь! Целый день пятисотки суют – от греха избавляются. Неправедные это деньги... – он перестал играть и отвернулся.

Когда автобус тронулся, и, преодолев участок сложного пути, называемого в народе «Ловушкой», набрал скорость, Анна протянула в открытое окно руку с «пятисоткой» и разжала кулак...

Творец

Учительница русского языка Ольга Степановна Зайцева была поклонницей некрасовского дедушки Мазая.

– Вот человек! – восторгалась она, прочитав пятиклассникам стихотворение «Дедушка Мазай и зайцы» о спасении её однофамильцев. – Собой рисковал, но зайцев от наводнения спас. Кто готов поступить так же? Поднимите руки. Все? Я с вами!

Дети заговорили:

– Надо природу любить и охранять...

– Можно фотографировать...

– А зайцев могло быть больше! Но их ловят силками и убивают! – выкрикнул Димка Скворцов.

– Они погибают и во время наводнения... – продолжила мысль одноклассника Ниночка и заплакала.

Ольга Степановна прикрыла ресницами набежавшие слезы. Зайцевых тоже могло быть больше. Но весной, когда вскрылась река и бурлящие потоки смыли прибрежные кусты, муж, оставив в подарок замечательную фамилию, как в воду канул. Теперь весеннее половодье для неё – не просто природное явление, а событие, вызывавшее бурю необъяснимых противоречивых чувств. Она любила Зайцева и одновременно ненавидела. Хотелось его забыть и хотелось помнить вечно.

В эту пору пятиклассники писали сочинение по картине художника А. М. Комарова «Наводнение». Подготовив детей к творчеству эмоционально, Ольга Степановна погрузилась в печальные мысли. Она ждала своего Мазая, который её, дрожащую, некрасивую, несчастную, укрыв зипуном, спасёт от холода и одиночества. Время от времени взгляд учительницы коршуном кружил над головами учеников, выбирая жертву.

Димка Скворцов, голубоглазый вихрастый мальчишка в отглаженной школьной форме, с «бабочкой» под воротничком белоснежной рубашки, рассматривал картину: «Кругом вода. На ветке берёзы, стоявшей по колено в воде, примостился зайчик. Он ждал помощи...» Димка задумчиво грыз кончик ручки. Вдохновение где-то заблудилось, а может, и утонуло.

– Работай, Скворцов! – взгляд коршуна нашёл жертву.

Димка вздрогнул, и первое слово, как мяч в футбольные ворота, влетело в строчку. За ним последовали другие:

– Одним спокойным днём в лесу жил себе, жил заяц молодой. Тихим безобидным утром ходил маленький зверёк заяц. Гулял себе в лесу. Вдруг наводнение. Малыш испуган. С мордашки не сходит шок! Его безобидные лапки и ушки дрожат от испуга.

На тетрадку капнула Димкина слеза, мысли разбежались – не собрать. Он медленно повернул голову в сторону, вытянул, насколько позволил тугой воротничок, шею и заглянул в тетрадку Нины.

– Смотри. Мне не жалко, – прошептала Ниночка.

Одарив соседку ласковым взглядом, Димка добросовестно списал:

– Наводнение – это когда растекаются реки и озёра, пруды и моря... Звери бежали кто куда: кто прочь, кто на деревья, кто на крыши домов. На заднем плане расположены деревья, до них не добралась вода, она близко, но деревья продолжают стоять неподвижно.

– Хватит. Дальше, Дима, пиши сам. Списывать нехорошо, – Нина освободилась из плена обаяния.

Продолжил сам:

– Заяц постоянно пятился назад, до упора в дерево. Потом дерево скрыло водой, а он забрался на ветку.

Как требовал план на доске, Димка внимательно рассмотрел зайца: «Ничего себе заяц, нормальный такой.»

– Заяц – русак, наверное, ну очень похож на него. Он сидит на сосновой ветке. Сидит необычно – телом вверх. Уши стоят дыбом, как будто ему ещё и холодно. По выражению лица видно, что ему страшно.

Время не шло, а летело. Вот-вот зазвенит звонок. Высунув от старания кончик языка, Димка дописал:

– Спустя час. Уровень воды опустился. Наконец он выбрался. Он осмотрелся. Ужас. Лес разрушен. Деревья переломаны. Ни одного зверька, все убежали. Заяц пошёл на поиски. Вот такая история.

С чувством выполненного долга Димка закрыл тетрадку, ласково её погладил, взглядом победителя обвёл класс, Ольге Степановне улыбнулся.

– Не торопись, Скворцов. Проверил?

Он послушно открыл тетрадь. Проверять не хотелось! Лучше написать что-нибудь от себя, не по плану. Так появились заключительные строчки:

– Когда я был маленький, прадед ходил на охоту и фотографировал животных. Животные его не боялись и чуть-чуть злились, когда он их будил.

На следующем уроке Ольга Степановна рыдала от смеха:

– А ты, Скворцов, удивил, так удивил! Вытворил... В себя прийти не могу. Читай своё творение. Творец!

Сжавшись в комочек, Скворцов, похожий на неоперившегося воробышка, несмело шагнул к доске.

– Одним спокойным днём... – неуверенно начал он. – Малыш напуган... Его безобидные ушки дрожат от страха, – в голосе появились трагические нотки. – Он сидит на сосновой ветке. Сидит необычно – телом вверх. Уши стоят дыбом, как будто ему ещё и холодно. По выражению лица видно, что ему страшно, – голос дрогнул, хлынули слёзы.

Ниночка без разрешения вышла к доске и протянула Диме конфету. Класс рыдал. Ольга Степановна всхлипывала:

– Хватит, хватит... Садись, Скворцов. Развели сырость. Наводнение в классе начнётся. Спасать некому – деда Мазая нет.

Как нет? Ольга Степановна встретила «Мазая» по дороге из школы. Он переправил её в лодке на другой берег. С тех пор пятиклассники сочинение о несчастном зайце не пишут: теперь у Ольги Степановны другая фамилия.

Перевод с мужского

Счастье, в понимании Олега Дымова, – жизнь, когда уровень желаемого ниже уровня действительного. Следуя этой жизненной формуле, он довольствовался малым. Сидел себе в конструкторском бюро за компьютером возле кадки с пыльным фикусом, работой не перегружался. Имел Инстаграм, Твиттер и Фейсбук, фиолетовый модный пиджак, гармонирующий с густой седой шевелюрой, стильные рубашки в «облипочку», фирменные джинсы и лакированные туфли, блеском мгновенно ослепляющие дам.

С некоторых пор фикус стал объектом женского внимания: его поливали, землю в кадке рыхлили, вытирали пыль с листьев и даже смазывали подсолнечным маслом. Сквозь очки в тонкой золочёной, как у Джона Леннона, оправе, Олег равнодушно смотрел на ухищрения женщин, желающих приблизиться к нему, прикоснуться к его истории, а если Бог пошлёт, и к телу. Но недавно он пережил шторм, еле выбрался на берег, и в море пока не тянуло.

Коллеги пытались втолковать, что он, как единственный мужчина в бюро, мог бы стать начальником вместо Ивана Семёновича, собирающегося на пенсию. Но Олег, не испытывая никаких желаний, тупо молчал... Пряталась за молчанием глубокая личная драма.

– Пойми, Тань, с ней не так, как с тобой, – пытался он объяснить жене, когда она узнала об измене. – Это временно. Это совсем другое. Вас и рядом поставить нельзя. Небо и земля... Ты для меня – святое. Тебя я люблю давно, а её очень. Ты – долг, а она – праздник. Успокойся, праздники быстро кончаются... – вразумлял он жену.

Наконец рассказывать, что ночевал у мамы или лежал у друга на даче, сбитый с ног литром водки, надоело. А жене надоело верить, понимать и прощать. Разошлись, как в море корабли. Чист фарватер. Свободны оба. Только скучает по папе лапочка-дочка.

– Что дают любовные связи, кроме короткой радости и длительной, сосущей под сердцем тоски? – здраво рассуждал он по ночам, уткнувшись в подушку, пахнущую дешёвым стиральным порошком.

А самого тянуло в морские просторы. Хотелось бурной жизни, риска. Хотелось запаха изысканных духов, тёплых, нежных слов, от которых опостылевший мир превратится в чудо необыкновенное.

Время шло, а чуда не было. Бурный роман по скайпу не удовлетворял страстные желания, и он решил за счастьем далеко не ходить, а через просветы между листьями фикуса тайком понаблюдать за коллегами, в недавнем прошлом претендентками на его сердце. Наблюдения разочаровали. Одна из них чувствовала себя, по её словам, нормально и «гормонально», другая весь день щебетала о собачке Нюсе, третья – часто красила губы яркой помадой и смотрелась в зеркальце... Четвёртая, обладающая пылким воображением, рисовала образ нового руководителя. Увы, это был не Олег.

Всеми забытый фикус, как и прежде пыльный, ронял листву.

На стареньком «жигулёнке», с выпуклыми, широко расставленными глазами-фарами, после нудного рабочего дня Олег возвращался в однокомнатную квартирку на пятом этаже в компанию плюшевых медвежат, уютно устроившихся на этажерке. Он долго топтался в пробке и окончательно увяз в потоке озверевших машин у светофора, который самовольно отменил гарантии безопасности. Его разноцветные глаза, реагируя на страшную жару, закрывались, забывая об очерёдности. Островок благополучия был переполнен уставшим после трудного дня народом. Недоумевали водители и, бурно выражая чувства, сигналили без остановки. Наконец светофор справился с недугом, открыл зелёный глаз и зафиксировал взгляд на застывшем в ожидании потоке. Машины, как застоявшиеся скакуны, рванули с места.

– Я люблю Вас... – приоткрыв дверцу машины, крикнул Олег стройной блондинке, задержавшейся на переходе.

Женщина подняла глаза, помахала рукой, улыбнулась. К своему удовольствию, Олег успел заметить на её лице смятение. Людской поток подхватил незнакомку и понёс через дорогу.

– Зачем я это сделал? Разве фальшивое признание добавит женщине, хотя бы каплю счастья? – рассуждал Олег, продолжая путь, и нашёл себе оправдание. – Что тут плохого? Она будет помнить об этом долго. Не удержится – расскажет подругам, будет перебирать в памяти знакомых, но не найдёт среди них ни одного похожего. Ей будет слышаться бесконечно повторяющееся «я люблю Вас», она станет задумчивой и рассеянной, вызывая недоумение мужа... – Странный мы народ, русские... Для нас слово «люблю» всё равно, что заявление в ЗАГС, в то время, как европейцы в этом чувстве признаются на каждом шагу, и признание это почти ничего не значит.

Незаметно подкралась осень. Жизнь не спешила дарить Олегу чудо. Он как слепая лошадь ходил по замкнутому кругу: дом – работа, работа – дом... Фикус, который отгораживал его от внешнего мира, засох. Теперь жизнь женского коллектива была, как на ладони, и восторга не вызывала.

Каждый раз, останавливаясь у знакомого светофора, Олег улыбался. Вот и сейчас он ждал, когда сильный порыв ветра сметёт разноцветные листья, прикрывшие глаза хозяина перекрёстка.

О, чудо! По пешеходной дорожке шла она. Короткое красное пальто в талию, длинные светлые волосы ручьями по плечам, идёт, улыбаясь, будто всё у неё хорошо, и ей захотелось тоже быть единственной в чьей-то жизни. Водители сигналили, пешеходы улыбались, а Олег крикнул:

– Я люблю Вас! – и, словно застеснявшись, прикрыл рот рукой.

Слова, как ключи, могут открыть любое сердце. Оглянулась! На лице – радость, недоумение, интерес! Кто же он? Кто?

– Я дурак! Обыкновенный дурак! Мимо прошло моё счастье, – Олег не подозревал, что ответил на не прозвучавший вопрос.

Осенние дожди не улучшали настроение. К тому же Олег поймал себя на мысли, что до сих пор толком не знает, что такое любовь. Он только понимал, что это очень больно. А к чему терпеть боль? И равнодушие паутиной опутало сердце.

В конце ноября замёрзшая земля, желая согреться, потребовала снежное одеяло. Зима постаралась, и падающий крупными хлопьями мокрый снег застелил всё, что мог, и даже прикрыл белой пеленой глаза светофора. Олег никуда не спешил, наблюдая, как трудятся «дворники», настойчиво очищая лобовое стекло. Он терпеливо ждал, провожая равнодушным взглядом людей в снежных шубах и воротниках.

– Спешат к ужину, домашнему теплу и уюту, – завидовал он.

Вдруг чьи-то руки в узорчатых варежках придержали «дворники». Это была она. Снежная шапка на голове, снежинки на ресницах...

Олегу захотелось, чтобы она выбрала его. Она была ему нужна. Светофор отчаянно заморгал, очистил от снега зелёный глаз и разрешил движение. Незнакомка сделала выбор и через минуту оказалась в машине.

– Вы Ольга? Угадал? Вот чудо! А я – Олег! В этом что-то есть: русский князь Олег и его княгиня Ольга. Я холост, ищу невесту... – он тонул в словах, торопясь и захлёбываясь.

– Наверно, готовится к серебряной свадьбе, – подсказал женщине внутренний голос.

– Влюбился в Вас с первого взгляда... – для достижения цели Олег пустил в ход любимый инструмент.

– Это признание для того, чтобы не тянуть с интимом, – проснулась её интуиция.

– Имею собственный бизнес. Правда, небольшой. Миллиона два чистой прибыли в месяц.

– Есть ли у него работа? Его старенькие «Жигули» вот-вот развалятся...

– Вас смущает моя машина? – Олег прочитал её мысли. – «Мерседес» на профилактическом осмотре в сервисе.

– Сейчас по плану начнёт вызывать жалость. Нет, ошиблась... – Однако, свободен, богат, успешен и без ума от неё! – хотелось верить.

Олег токовал, как тетерев. В других обстоятельствах он продумывал всё заранее. Но в романтических отношениях была важна красота сиюминутного хода, а там, хоть трава не расти. Желание должно было осуществиться здесь и сейчас.

– Оля, когда у Вас отпуск? Махнём в Италию? – шепнул он, едва коснувшись губами завитка, прикрывающего её ухо, в душе надеясь, что она зайдёт к нему на чашечку кофе.

– Для него пустячок, а мне приятно. Не попросить ли притормозить у магазина? Самое время приобрести бикини. Мечтай, женщина! Мечтай! – иронизировала она в душе, наблюдая за его жестами.

Олег прикрывал рукой рот, потирал веко, почёсывал шею, оттягивал воротничок, смотрел куда-то мимо.

Ольге была знакома такая категория мужчин. Обжигалась...

– Я тебя люблю... – и женщина тает, придумывая имя первому ребёнку, а он на следующий день исчезает с радаров.

– Мерзавец! – негодует дама.

А он ничего и не обещал. Сегодня в постели он её любил. Это так и есть. Он, правда, хотел жениться. А завтра вспомнил, что любит друзей, пиво, ночные клубы. А ей не звонит, чтобы не врать.

– Так смешно слушать, а перебивать жалко. Человек старается. Терпения наберись. Разочаровавшись в одном человеке, не наказывай другого... – вспомнила она что-то своё и терпеливо ныряла вслед за Олегом в бурное море обещанного счастья. – Стоп! – не выдержала. – Остановите машину! Я выйду!

Вышла! Помахала рукой и исчезла в толпе.

А он продолжил путь в постылое одиночество.

С утра на работе переполох. Наконец-то закончилось безвластие! Новый начальник бюро вслед за другими сотрудниками пригласил Олега на собеседование. Вошёл, скромно опустив глаза, и услышал знакомый женский голос.

– Ольга?

– Нет, Римма Алексеевна Орлова. Ваш новый начальник бюро и по совместительству переводчица с мужского.

Обманутые далью

На косогоре, как плоты на речном заторе, вздыбились избы. Смотрели они горящими на солнце окнами на енисейские дали, на плакучие ивы у самой реки, на деревенских мальчишек, ловивших с берега рыбу, на беду, выручку и надежду – паром, соединяющий не только берега, но и людей с их проблемами, отношениями, чувствами.

Мудро распорядилась хозяйка-природа: не надеясь на человека, за тремя реками спрятала она богатства Сибири, сделала недоступными для рвачей и хапуг, защитилась дальними расстояниями, весной и осенью – плохими дорогами, летом – несметными полчищами мошки, зимой – трескучими морозами.

На берегу у парома теснились в очереди люди. Лица хмурые, неулыбчивые. Вон сердитый хромой бородач застыл в неудобной позе на телеге с сеном. Рядом недовольно поджала губы полная женщина в яркой панаме. В ожидании посадки волнуется народ, но сдерживает эмоции, готовые по условному сигналу вырваться на волю, стоит только чиркнуть спичкой о коробок.

А вот колоритная парочка – белый верблюд и осёл. Рядом, видимо, их хозяин – невысокого роста молодой красавец – азиат в тубетейке. Необычное явление. Любопытно. Эй! Кому хочется быть оплеванным или получить удар тяжёлым копытом двухметрового великана, подходи!

Есть желающие! Мужчина – азиат со всей ответственностью стремился выполнить просьбу пьяненькой женщины. «Мадам» не хотела идти по скользкому трапу, она пыталась взгромоздиться на осла. Попытки оказались безуспешными. «Мадам» перекаtywалась через спину ослика, не успевая задержаться в вертикальном положении. При этом она цеплялась за одежду мужчины, притягивала его к своему разгорячённому телу. Наконец хозяин нашёл выход. Одной рукой он держал женщину, другой – поводья.

– Старый осёл молодую везёт!

– Поездка во сколько обойдётся?

– Платить будет как? Натурой? – наконец-то развеселился народ, соревнуясь в остроумии.

Я, улыбаясь, со стороны наблюдал эту сцену. Но как только оказался на пароме, сразу подошёл к азиату, отодвинул плечом «мадам», погладил невесёлого верблюда, потрепал за уши осла.

– Таджикистан? – спросил я, протягивая парню сигарету.

– Да, Пенджикент, ба худо. Верить? – улыбнулся таджик. Я – Фарход. А ты?

– Зови меня Фёдор. Какими судьбами в этих краях? – я торопился задавать вопросы и затынулся сигаретой так, что она мгновенно превратилась в окурочек, обжигающий пальцы.

– Мы здесь втроём. Я, верблюд и осёл. Ты заметил? Что может позвать далеко? – глаза Фархода подёрнулись мечтательной дымкой. – Ты не видел мою невесту... Красавица. Лена. Русская она. Жениться хочу. Деньга надо. Жирный Даврон – человек-вагон на лето одолжил мне верблюда и осла. Пойду у от села к селу. Мальчик катаю туда-сюда, груз везу... Да-а... Показ – деньга беру...

Я засомневался в смелом проекте Фархода, но разочаровывать его не стал. Пусть и ему, как мне когда-то, откроется новая даль, и пусть она его не обманет.

Что может быть страшнее одиночества среди людей? В Сибири я оказался зимой. Помню, пьяный, лежал на спине сугроба, смотрел на звёзды, пригоршнями ел снег, чтобы заморозить тоску по тёплым родным краям, близким людям и приглушить запах водки. Рядом поляна нетрезвой рябины, спелые ягоды которой ещё осенью забродили от счастья в тёплых объятиях бабьего лета. Теперь раскрасневшиеся на морозе, они покачивались на ветках, смущённо прикрываясь снежными шалами. А дрожащие от холода нижние ветки стыдливо, неумело пыта-

лись натянуть на обнажённые стволы лохматые сугробы. Шустрый соболек в нарядной зимней шубке, застёгнутой на две блестящих бусинки хитрющих глаз, захмелев от пьяных ягод, стройным гибким телом приглаживал сугроб под рябиной.

Пьяные ягоды, солнце, соболек, устроивший праздник свободы души на лесной поляне, и бурвачиком в голове один и тот же вопрос: «Ты вернёшься ко мне? Вернёшься?»

Голос Фархода вернул в настоящее.

– Можно я расскажу тебе о моей Лене? Да? Её отец где-то на Сибирь, тут. Да-а.... Она не видела его. Ни разу, веришь? Однажды он прислал письмо. И мама Лены решила ехать. Зачем? Послала отцу телеграмму: «Будем в гостинице ждать». Приехали втроём. Мать, Лена, Сашка. Ждали. Потом много ждали. Не дождались. Он уехал дальше, давно. Телеграмма не получал. Деньга нет. Крыша нет. Красивый мама есть. Да-а... Нашёлся добрый человек, дал деньга на дорога назад Таджикистан...

Память настойчиво тиражировала слова: «Ждали. Потом много ждали. Он уехал дальше, давно...» Фарход говорил долго. Я начал воспринимать речь, как бессмысленно повторяющиеся звуки.

В кристально чистой воде Енисея на малой скорости парома проплывали белые облака. Но белый цвет капризен, изменчив, он легко поддавался соблазнительному прикосновению прильнувшей тучи и легкомысленно растворился в ней.

Теперь в потемневших водах я едва различал крохотный дворик, устроившийся между двумя «хрущёвками». Между домами – пару горбатых ив и журчащий чистой водой арык. За высоким забором урючный сад, который каждый считал своим. В семистах метрах, если обойти каменный дувал, нёс свои воды Заравшан – украшение древнего Пенджикента. Границы города когда-то охраняли сторожевые башни. А теперь я увидел их превратившимися в холмы – «шляпы». Вот они, покрытые плотной жёсткой травой, красные от цветущего мака.

Родина... Нет, я не таджик. Я русский, родившийся в Таджикистане. Мои соседи – узбеки, татары, армяне, казахи жили одной дружной семьёй. Кажется, я слышу звук зурны, собирающий всех на праздник. Сообща накрывают на стол. Сосед Фируз тащит бутылку с вином, Алия – лепёшки, Давон – шашлыки, мой парнишка Сашок принёс трёхлитровую банку кильки, купленную на последние деньги в магазине, фрукты без меры несут все.

Лёгкие, как пушинки, сёстры Габриэлян услаждают взоры танцем. В дальнем углу двора звучит дутар. Там тоже танцуют.

А вот и она, моя жена – красавица Жанна. Смоляные волосы – локонами, чёрные глаза – бездонным омутом, тонкий стан – былинкой. И загорелись звёздами глаза веселящихся мужчин. Прочь духовное! Прочь эпоху сильных, умных и независимых женщин! Кто сказал, что они лучше красивых?

Женщины нашего двора... Я наблюдаю за ними из окна. Фируза – ангел в доме. Она радуется глаз, сердце и желудок мужа опрятным внешним видом, кроткой улыбкой, вкусной едой, уютом в доме.

Анна всегда рядом с детьми, их четверо. Милые, милые, непосредственные, живые.

Жена башмачника Одила-крокодила напоминает неприбранную постель...

Около часа я ломал мысли о женскую красоту, пока не понял, что Жанне пора домой. Её движения стали неуверенными. Принимая очередной стакан с вином, она пошатнулась и упала в объятия стоявшего рядом мужчины.

Я спустился во двор.

– Салом малейкум, дорогой, – приветствовал меня сосед.

– Салам, Илькам, – похлопал я по плечу татарина. – Жанну хочу домой увести. Устала женщина. Беременная она...

– От кого беременная, дорогой?

– Странный ты, брат. Я говорю тебе, что моя жена беременная, а ты спрашиваешь, от кого? – мой голос дрогнул.

– Извини, брат. Я думал, ты знаешь... – оправдался подвыпивший сосед.

Я ждал раскаяния, мольбы о прощении, но Жанна не пыталась мне что-то объяснить ни сразу, ни на следующий день. Она молчала, утверждая молчанием свою правоту. Её красота больше не радовала меня совершенством.

Холодное отчаяние с почестями похоронило надежду на семейную жизнь. Обида душила, не давала дышать, стальным кольцом стягивала грудь. И как ответ на это унижение – решение быть гордым застыло на лице моём железной маской.

– Ты вернёшься ко мне? Вернёшься? – последние слова Жанны.

Мне казалось, что умею летать, и я бросился в пропасть. Не ошибся. Сил хватило взлететь почти с самого дна.

Географию России я изучал не по атласу. Моя судьба, как горнолыжник, закладывала на склонах жизни сложнейшие виражи. Я менял города, месил сапогами грязь деревенских просёлков, не брезговал никакой работой, богатым не стал, но на жизнь хватало. Не было только уверенности в завтрашнем дне. Я жил на фоне страха, не видел будущее.

Окончательно осел в Сибири в дальнем медвежьем углу, о котором говорят, что там медведей больше, чем людей. Освоился, прижился. Работал по профессии фельдшером в местном медпункте, охотился, рыбачил. Вот только семья не складывалась. Может, потому что Жанна снилась часто, снился Сашок. Ещё чаще снился ребёнок, которого никогда не видел. «Ты вернёшься ко мне? Ты вернёшься?» – спрашивала Жанна, такая же молодая и красивая, как и двадцать лет назад. Что ответить ей, я не знал.

– Да ты не слушаешь... – рассердился Фарход, заметив мой отрешённый взгляд.

Я вздрогнул и поднял глаза.

– Так вот, – продолжал Фарход, убедившись, что снова завладел моим вниманием, – я думал: уехать или нет? Хотел что-то делать себе, для эта... Ватан... да, вспомнил – Родина, для любимой девушки и не знал, что надо. Сибирь богатый... Заработаю деньга, вернусь к Леночке. Мы живём там, где во дворе с чистой вода арык. За забором – урючный сад. Недавно посадили новый. Ты знаешь, что имя Елена только у самых красивых девушка? Нет? Она будет моей женой. Ба худо!

Арык с чистыми водами, урючный сад... Совесть била во все колокола:

– Ты отыщешь их! Ты отыщешь! Отыщешь!

– Ба худо! – попытался я перекричать звон колоколов, потом совсем тихо продолжил. – Трудом праведным не наживёшь палат каменных. А если и заработаешь, могут тут же отобрать. Будем верить, что тебе повезёт, Фарход. Остановишься у меня. У судьбы нет привычки сводить посторонних.

Через пятнадцать минут другой берег Енисея принял паром, соединивший не только берега, но и людей с их проблемами, отношениями, чувствами. Горящие на солнце окна извдали, как сошли с него люди. Среди них – русский, седой мужчина зрелого возраста, и странное трио: таджик, верблюд и осёл.

Примечание: Ба худо (тадж.) – я клянусь.

Сиреневый блюз

Последним ослабевшим лучом солнце едва прикоснулось к цветущей сирени и остановило удивлённый взгляд на берёзе. Её золото блеснуло отчаянно и обречённо. Измученная плохой экологией природа необоснованно определила дерево на новое местожительство в непривычной природной зоне. К тому же, перепутав осень с весной, заставила в сентябре цвести сирень, магнолию, каштаны...

День отгорел. Он оставил Вере немного тепла от пепла, немного от остывающих батарей, но окончательно отключил тепло душевное. В закрытое окно рвалась темнота, глухая тоска тоже искала место под крышей.

Ночь – пустынная безмолвная страна, где Вера до утра оставалась в гордом, неприкосновенном одиночестве. Уличные фонари, заглядывая в комнату, устали читать её невесёлые мысли, и только под утро она, закрыв последнюю страничку воспоминаний, поставила много-точие.

Две недели назад Вера приехала на южный курорт. Черноглазый дворник в фартуке оранжевого цвета ловким движением метлы смахнул листья с первой ступеньки лестницы, ведущей в приёмное отделение, скептически улыбнулся, увидев огромный чемодан, и уступил дорогу. Женщины на скамейке у корпуса оживились:

– Этой удачи не видать, – вынесла вердикт пожилая круглая женщина в соломенной шляпе с квадратными полями.

– Ишь, барахла нагрузила. Сейчас чемодан сама тащит, и вряд ли потом носильщик найдётся, – присоединилась к её мнению подруга в бигуди, прикрытых ярким платком.

Высказались, как из ружья выстрелили, замолчали и впились глазами в приезжую: чёлка, прилипшая к мокрому лбу, пронизательные умные глаза, лицо, бледное от лилового цвета шёлкового платья, нитка бус из натуральных камней, модные туфли на высокой шпильке. Сгибаясь под тяжестью чемодана, она беспомощно улыбалась. Безжалостный ветер, как пощёчину, вlepил горсть осенних листьев. Женщина присела на чемодан и закрыла лицо руками.

– Я помогу, – не то утвердительно, не то вопросительно сказал загорелый мужчина в светлом костюме и, не дожидаясь ответа, подхватил чемодан. – Вам сюда, – он показал рукой на стойку администрации. – Желаю счастья!

– Мы не встречались? – Вера знала, что самая длинная дорога начинается с первого шага.

– Вряд ли, – он равнодушно скользнул взглядом и выбрал в хранилище памяти первый попавшийся неуклюжий комплимент. – У Вас лицо красивое...

– Будьте моим счастьем! – хотела попросить Вера тихо, проникновенно, жалобно, но промолчала.

Каждый день она надеялась на случайную встречу с ним. Каждый день – новое платье, затейливый макияж, причёска. Однажды Вера бежала целый квартал за мужчиной в светлом костюме. Вскоре она почувствовала, что тело перестаёт реагировать на голос разума, дрожит сладкой дрожью, а сердце трепещет при мысли о незнакомце. Он появился за два дня до её отъезда.

– Вы меня ещё помните? Я Артур, дизайнер из Риги.

– Вера, флорист из Красноярска.

– Я приглашаю Вас, Вера, сегодня вечером в старинное кафе. До встречи, – не дождав-шись ответа, он помахал рукой.

Самоуверенность Артура несколько насторожила Веру. Но разум спал, оставив на дежурстве сердце, а оно распорядилось по-своему: в семь часов вечера она в элегантном платье любимого сиреневого цвета протягивала Артуру руку для поцелуя.

В старом кафе – вечерний уют. Палитра стен – пигменты красной и жёлтой охры с золотистым оттенком, изысканные тона фресок, созданных известным художником, массивная мебель под светлый дуб или орех, мраморный пол... Интерьер не поража́л роскошью, но зато каждый предмет выглядел гордо и значительно. У входа в зал в старом потускневшем зеркале с мелкими трещинками-морщинками отразилась ажурная лестница, ведущая вверх, и возле неё – две полутени, предлагающие интим бородатому капитану. Диалог влюблённой пары, занявшей соседнюю кабину, освещали свечи в канделябрах, простые восковые старомодные, а верхний мягкий свет изумрудных светильников дополнял их. Вера и Артур сели за круглый стол, покрытый скатертью с ломкими линиями мятых кружев.

– Интерьер – творение вольных странников, прошедших через все стили и эпохи, – со знанием дела, улыбаясь, сделал заключение Артур. – Это изысканное место рассчитано на неторопливое времяпровождение... Мы не торопимся? Нет?

Вера не торопилась. Завтра утром заканчивался срок путёвки, а самолёт – только на следующий день. Где она проведёт ночь перед отлётом, неясно. Ну и что? У счастья нет завтрашнего дня, есть только настоящее – мгновенное.

Почти ритуальное молчание. Магическая сила взгляда. Первая фраза:

– Наконец-то я встретил Вас...

В плоском бокале искрилось вино, музыкой итальянской оперы ласкали слух названия блюд: спагетти, карбонара, карпаччо из осьминога, ризотто с чёрными трюфелями. Впрочем, это было неважно.

– Русские любят итальянскую кухню. Один известный ресторан специально для них создал ролик, разъясняющий правила культурного поведения. В моём понимании, культура – это не предъявление своих особенностей, а знание своих обязанностей в определённых условиях. Русские пьют капучино перед обедом, а итальянцы только утром, русские женщины ходят на пляж в дорогой одежде и туфлях на высоких каблуках... Итальянцев раздражает это. Вот они и сочли возможным указать. Но я о другом... Следуя пониманию только своих особенностей, далеко можно зайти... Мы следуем своим обязанностям... – он немного подумал и откорректировал мысль, – стараемся следовать. – Цветы – даме!

Вот и запах цветов в хрустальной вазе... Сирень! Артур и не знал, что у цветов свой язык, разговаривать на котором можно молча, не знал, что сирень – символ одиночества, знак несчастной любви. Увидев сирень, Вера обычно начинала плакать. На этот раз сдержалась и стала лихорадочно перебирать лепестки. Хотелось найти пять, загадать желание, как в детстве, проглотить и ждать счастья.

– Люблю-ю-ю... лью-ю, лью-ю-ю-ю... – разливал в фужеры вино саксофон, пытаюсь закружить в кутерьме невысказанных слов, и неожиданно захлебнулся такой тоской по утраченному счастью, что Вера почувствовала себя в западне, состоящей из печальных гортанных звуков и сиреневого тумана.

Западня захлопнулась в танце, когда Артур сомкнул на талии руки. Он молчал. Его возбуждал запах духов, грациозный изгиб шеи, волосы, струящиеся по плечам... Артур шептал слова, нежные и ласковые... Он знал, что слух – самая эрогенная зона женщин.

– Искупай меня в нежности... – выдохнул сакс.

– Ты – лучшая женщина на свете... – шепнул Артур в ухо Веры, приподнявшись на цыпочки.

– Люблю-ю-ю... – не умолкал саксофон, приглашая в мир приятных ощущений.

– Ночь перед отъездом ты проведёшь у меня. Я смогу понравиться тебе. Для любви – свой час, тело должно раствориться в темноте.

Блюз тревожил душу, будил воспоминания. У него одна тема – любовь.

Вернулись к столу. Какое-то время молчали.

Первой заговорила Вера:

– В юности я мечтала о возвышенной платонической любви, далёкой от приземлённой, плотской. Хотелось следовать идеалу. Любовь Лауры и Петрарки – вот образец.

– Ненормальное явление, – прервал монолог Артур, – психологи это называют по-своему: кажется, задержкой формирования либидо. Это диагноз! Нормальный человек должен испытывать половое влечение к человеку, которого любит!

– Об этом я узнала потом, – в глазах Веры вспыхнули и погасли огни. – Игорь дарил охапками сирень, и однажды я рассказала ему удивительную древнегреческую легенду о прекрасной речной нимфе Сирирге, не ответившей взаимностью молодому Пан-богу, бородатому, рогатому, козлоногому. Чтобы избавиться от него, Сирирга превратилась в благоухающий куст с нежными цветами. Её именем он и был назван. Пан-бог безутешно плакал, потом сделал из срезанной веточки свирель. Он гулял в одиночестве по лесу, исполняя печальные мелодии. – «Будешь преследовать меня, превращусь в сирень», – шутила я. Но всё получилось по-другому: с дудочкой в одиночестве брожу я, потому что сделала всё, чтобы быть несчастной.

– Ты можешь не продолжать, – Артур взял её руки. – В самых искренних признаниях женщины должно быть место умолчанию.

– Нет-нет, я решила идти до конца. Мне нужно сбросить этот груз. Так вот, я любила, делала для Игоря гораздо больше, чем он заслуживал, но держала на расстоянии.

Пальцы Веры дрожали. Сплетаясь с пальцами Артура, они искали опоры, и он поддержал её мягким пожатием руки.

– Я не удивилась, когда дошли слухи, что у Игоря – другая женщина... Я тоже сошлась с другим. И вновь любовь, только теперь до обморока, до экстаза... – Вера закончила фразу на высокой ноте и замолчала. – Когда чувства вернулись в свои берега, – продолжила она полусёпотом, – любовь тихонько выбралась на сушу, чтобы исчезнуть в суете быта.

– Как жа-аль... Как жа-аль... – звуками растворял любовь сладкоголосый саксофон.

– В памяти моей до сих пор дрожащая рука Игоря, из которой выпала измятая ветка сирени. Кажется, так просто не быть вместе, а всё-таки ловить его дыхание, держать ладонь, провести рукой по щеке с двухдневной щетиной, ощущать его тепло.

– Нет, тепло живо, пока он и она вместе, – заговорил Артур, думая о своём, произвольно, до боли, сжимая руку Веры. – С Анной я познакомился в этом кафе десять лет назад, когда нам было по 40 лет. Ослепительная страсть, сексуальная гармония... Но обстоятельства складываются так, что нам не быть вместе: обязанности, обязательства... И вот уже десять лет в это время мы встречаемся здесь. В прошлом году она не приехала. У меня нет права знать причину. Я просто жду её и в этом году. Вчера был последний день.

Теперь восковые вековые старинные свечи в канделябрах напоминали те, что ставят в изголовье людям, умершим от необыкновенной любви.

– Такой, как ты сейчас, Анна была десять лет назад, – продолжил Артур, любясь Верой. – Тебе бы вернуться к Игорю... – Но вряд ли ты сделаешь его счастливым... – он помолчал. – А мы не сможем быть вместе. Я всё равно уйду от тебя к другой женщине, или ты уйдёшь сама. Мы своевольны, безудержны... Это наши особенности. Увы!

Время стекало струёй в бокал с вином, пальцы прощались: пора...

– Лю-ю-бл-ю-ю-ю... – старался всем угодить саксофон.

По ажурной лестнице, как с небес, отражаясь в потемневшем старинном зеркале с трещинками, спускалась очень похожая на Веру красивая женщина в чёрном вечернем платье. Она остановила взгляд на Артуре. Сумочка и перчатки выпали из её рук.

Звонок от Бога

День – дон, день – дон, день – дон... Плывёт над Россией густой колокольный звон, торжественно-красиво возвещает о нескончаемой радостной жизни в будущем, исцеляет больных, возвращает добрые чувства злым, дарит надежду тем, кто её потерял... Он, как свет, прозрачный и хрустальный, как голос свыше... День – дон, день – дон, день – дон... Колокольный звон проникает в каждую клеточку человеческого тела, и его дивная сила пронзает души, рисуя неопишуемый восторг на светящихся радостью лицах.

Анна живёт в доме напротив храма. Одно окно её квартиры, широко распахнув глаза, смотрит на золотые купола, увенчанные ажурными крестами, два других – на магазин «с названием кратким «Русь»».

С утра к храму потянулись одетые по-праздничному прихожане, а к магазину – страдающие от вчерашнего перебора любители выпить.

– Пришло время и мне сделать выбор, – улыбнулась Анна, подойдя к окну, – хочешь – пей, хочешь – молись.

У магазина, как на посту, седой мужчина в камуфляжном костюме. Невысокого роста, не самый красивый. На спине куртки крупными буквами написано «Классик». Имел ли он отношение к классической литературе или просто был классный мужик, Анна могла только догадываться. Рано утром он появлялся у магазина с метлой, потом пожимал руки трясущимся от желания выпить алкоголикам, иногда делал глоток из предложенной бутылки, жестикулируя, о чём-то говорил-говорил, искоса поглядывая на окна квартиры, где замирала Анна, прячась за оконной шторой. Через час, когда поток нуждающихся в выпивке иссякал, Классик садился на завалинку магазина, курил сигареты одну за другой, смотрел на окна, сжигая взглядом ненавистные занавески, иногда подносил к уху сотовый телефон и тут же прятал его в карман.

Родом из Приангарья, Андрей Синцов вынужден был покинуть свою деревню, потому что она оказалась в зоне затопления: ГЭС строили, а жизнь человеческую разрушали. Недавно овдовевший, пятидесятилетний мужчина решил до конца отстаивать право жить там, где хочет:

– Лодку вверх дном переверну и жить под ней буду, но от родных могил и такой красоты не уеду!

Власти требовали своё. Опустела деревня. Сдался и Андрей. Тепло, не по погоде одетый, с потёртым чемоданчиком в руках, он стоял у дома, который уже не мог назвать своим, раздумывая, надо ли закрыть ставни перед уходом. Потухшими глазами Андрей ласкал резные наличники, где знаком был каждый сучок. Он помнил, как дед, следуя карандашному рисунку на доске, бил молоточком по стамеске и матерился на сучок, который, стремясь сохранить неповторимый, созданный природой рисунок, мешал расцветать узору, а потом никак не хотел подчиниться кисти маляра. Смахнув слезу, Андрей провёл пальцем по резному наличнику.

Украшать резьбой ворота дед доверил сыну. Чувствуется другая рука: линии вырисовываются не так ровно, не так искусно. Через эти ворота вошла в дом жена – красавица Настя.

Высокое крыльцо украшал резьбой Андрей вместе с отцом, потому что деда среди живых уже не было. Теперь его внук циклевал углы и повороты нарезанных линий, а отец, молча, стоял рядом и следил за каждым движением. Вспомнил он и затрещину, которую получил от отца за испорченную доску.

Андрей достал сигареты, но закуривать не спешил. Не время. Дрожащей рукой он сунул пачку обратно в карман.

Вот тут, в загончике, жил телок Мишка, вор и мошенник. Как-то соседка сметаны полведра принесла – масло сбить. Но пока хозяин для этого охламона сено с сеновала доставал, Мишка носом кнысь по запорной вертушке, и в шаг у ведра оказался. Ртом и носом сметану

тянул. Хотел Андрей его вилами навернуть, не по злобе, так, для остротки. Да жалко стало. Как сын он ему был.

Теперь Мишка под сосенкой, присыпанный хвоей, лежит. Отравили нелюди...

Не нужно теперь сено. Нет больше Мишки. И людей в деревне нет. Разбросал Андрей сено на крыльце, у стен, у ворот, у забора. Бросал, пока не оставили силы, а из груди не вырвался глухой стон.

Он снова достал сигареты и спички. Прикурив, с тоской посмотрел на деревянное корыто, в котором его в детстве купали, и, по-звериному зарывчав, проводил затуманенным взглядом юркнувшую в сено спичку.

Мёртвое теперь всё кругом – ни единой живой души. Ничего не осталось от прежней жизни.

А на следующий день гидростроители затопили деревню, и поплыли по Ангаре сломанные кресты и остатки гробов с местного кладбища, а с ними труп несчастного телка Мишки, так и не успевшего повзрослеть.

Теперь Классик, возрождаясь из пепла, налаживал жизнь в квартире, которая была положена по закону. Работа охранника в магазине пришлась по душе: целый день с народом, быстрее время бежит. А по вечерам брал в руки заветную тетрадку со стихами собственного сочинения, перечитывал написанное, добавлял новое. Тревожил сердце бесхитростными строчками о безвозвратной молодости, о затопленной деревне, одиночестве среди людей. Хорошо, плохо ли писал, неведомо. Показали ему как-то Анну: грамотная женщина, правильно оценит. С тех пор Андрей её встречал и провожал глазами, а подойти не решался. Уж больно строгая на вид!

Анна жила одна, а людям, пристающим к ней с вопросом «почему», улыбаясь, отвечала: – Нет, замужем я была... – выдерживала паузу, – но... муж умер... от любви ко мне.

На самом деле бывший муж спокойно жил в соседнем доме с дамой, «приятной во всех отношениях».

Сначала он попробовал жить на два дома, пытаясь понять, как устроить семейную жизнь, если не успеешь жениться на молодой, как подрастает ещё моложе. Но однажды утром ему не повезло: поцеловал жену, а прошептал чужое женское имя. Тайное стало явным, и Анна из мести рассыпала целое ведро зерна от своих дверей до квартиры любовницы мужа. Думала, ему стыдно станет, когда все увидят, куда дорожка привела, и вернётся. Не вернулся. Смирилась Анна:

– Пусть с ней живёт... Ему там лучше...

Отношения с Богом тоже не складывались. Он жил сам по себе, Анна тоже, понимая, что ему не до её мелких проблем, и по доброте душевной прощала его равнодушие. Она допускала мысль о том, что он существует. Бог был у неё где-то внутри. А принимать посланников божьих на Земле не хотелось. Поэтому в храм Анна не ходила, поклоны не била, посты не соблюдала. Всю жизнь она красной пастой исправляла в тетрадях чужие ошибки, а до своих ошибок руки не доходили. Впрочем, Анна старалась их не допускать. Жила сама по себе, руководствуясь внутренним уставом, напоминающим божий: не лгала, не воровала, не прелюбодействовала... Время шло, а она так по-настоящему и не узнала, что такое мужская ласка, пребывая на широкой кровати, с кружевными накрахмаленными простынями в гордом сексуальном одиночестве. В сауну её никто не приглашал. Из зланных мест посещала только булочную.

Как-то попал ей в руки тест «Можете ли Вы претендовать на звание «Миссис Россия?»». Удивительно, но в нём приоритетным достоинством был женский интеллект. Анна знала, кто такая Агния Барто, кто написал роман «Идиот» и название какого государства пишется через чёрточку. Результат потянул на звание «Королева красоты», а она заслуживала счастья нормального человека. Появилась надежда. На всякий случай, Анна стала заботиться о макияже.

Далеко не красавица, росточку маленького, глаза – щёлочки, русые волосы «на троечку», женщина хорошо знала цену своей внешности, а в душу к ней никто не заглядывал. Она считала, что красивых душой людей на земле гораздо меньше, чем красивых тел. О красоте тела заботятся в первую очередь: диету соблюдают, жир откачивают, морщины подтягивают, ногти наращивают, увеличивают грудь. Научились люди размножаться, перепутали секс и любовь... А что с душой делать, чтобы она была красивой, не знают. Настоящим человеком Анна считала того, кто читает Толстого, Достоевского, Шекспира и смотрит фильмы, где человек думает, а не испражняется. Но в жизни редко отзываются те, кого мы зовём.

Одиночество скрашивал приبلудный кот по кличке Сын. Открыла как-то утром Анна входную дверь, а он сидит и в дом не просится, еду не кланчит – просто сидит.

– Заходи, раз пришёл, – говорит ему Анна.

Вошёл неторопливо, с достоинством, будто сделал великую милость. Вошёл да так и остался. Правда, иногда исчезал дня на два – на три, потом возвращался. Когда однажды раздался звонок, кот был уверен, что это к нему. Бросился к двери, а там соседка – его прежняя хозяйка. Она считала своего внука непризнанным гением и за подтверждением этой мысли часто приходила к Анне. Пока соседка варила кофе, Анна делала за внука упражнение по русскому языку. В этот раз коту не повезло. Соседка признала в Сыне своего кота Василия.

– Надо же, – удивлялась Анна, – всё, как у людей. На два дома живёт, паршивец!

Однако дверь перед котом не закрыла: Сын же.

В светлую седмицу, после Пасхи, жители городка пытались дозвониться до Бога. Желающие могли подняться на колокольню и ударить в колокола, каждый из которых имеет свой язык и свой голос. Не выдержала Анна. Подвязала праздничный платок и к храму в длинную очередь. Выйдя из подъезда, она увидела Классика, встретила с ним взглядом и заметила, что он покраснел.

– Охранник с метлой. Бывает же такое, – подумала Анна и почему-то тоже засмушалась. Классик проводил её до храма долгим взглядом.

Смеялась колокольня весёлым перебором и перезвоном. Стоя в очереди, люди тихонько перебрасывались словами:

– Говорят, колокольный звон порчу снимает.

– Да, и хромоту, и ломоту.

– Дочери моей Василисе жениха бы хорошего.

– Дай Бог, чтобы год урожайный был.

– Пусть конец света если и будет, то не скоро.

– Господи, внука хочу понянить. Прошу тебя, пошли моей дочери ребёночка.

– А мне не помешала бы хорошая денежная работа.

– Испоганили землю, варвары... Вы нынешнюю Ангару видели? Куда Бог смотрит?

Почему не наказывает?

– Вот пенсию бы поболе.

– Что ты, бабка, сдурела, что ли? Бог тебе – не собес.

Анна слушала молча. Своё сокровенное она доверит только Богу.

Получив благословение батюшки, по деревянным ступеням узкой винтовой лестницы люди поднимались на колокольню. Кто шёл в обнимку с более сильными, кто своими ногами... Среди них Анна. Минута, и с помощью звонаря движения её рук отозвались тягучим медовым голосом большого колокола и лёгким многоголосьем маленьких колокольцев. Женщине показалось, что душа её и тело, поддерживаемые весенним воздухом, парят высоко под небесами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.